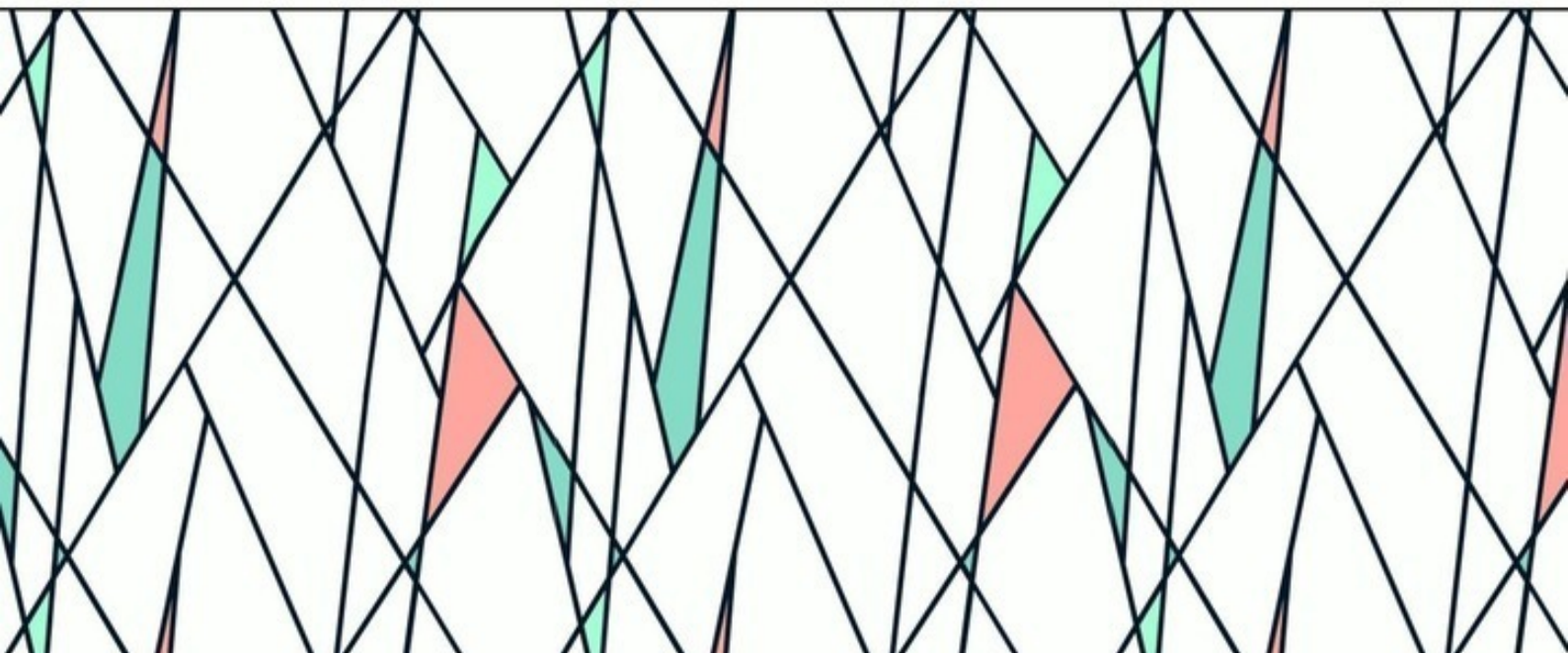

Элина Наумова

*БУДЬТЕ
ЗДОРОВЫ,
БОГАТЫ
И ПРОКЛЯТЫ*

Полина и Измайлов

Элина Наумова

**Будьте здоровы, богаты и
прокляты. Полина и Измайлов**

«Издательские решения»

Наумова Э. Р.

Будьте здоровы, богаты и прокляты. Полина и Измайлов /
Э. Р. Наумова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938127-9

Это — игра. Раунд 1 — классика жанра, для разминки. Раунд 2 — вы сразу узнаете о героях все, что Полина узнавала постепенно. Станет ясно, кто кого вот-вот убьет и кто шантажист. Раунд 3 — проверьте себя. Не ожидали? Полина тоже...

ISBN 978-5-44-938127-9

© Наумова Э. Р.
© Издательские решения

Содержание

БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ, БОГАТЫ И ПРОКЛЯТЫ	6
Часть первая	7
ШАЛЬНАЯ ВЕРСИЯ	7
Часть вторая	33
КАФЕДРА В ПЕРЕВОДЕ С ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО	33
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Будьте здоровы, богаты и прокляты Полина и Измайлов

Элина Наумова

© Элина Наумова, 2018

ISBN 978-5-4493-8127-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ, БОГАТЫ И ПРОКЛЯТЫ

Это произведение – плод фантазии автора. Любые совпадения с реальными лицами случайны.

Часть первая

ШАЛЬНАЯ ВЕРСИЯ

Звонок в дверь раздался сразу после полудня. Я как раз была в прихожей. По обыкновению не удосужившись взглянуть в глазок, я ликвидировала преграду между собой и суетным миром и возопила:

– Андрей! Вот радость! Заходи.

Мужчина за порогом явно не ожидал столь скорого моего возникновения перед собой и чуть замешкался. Я схватила его за концы шарфа, втащила в дом и по-сестрински повисла на шее. Он ответил по-братски. Когда-то в бесшабашной ранней юности нам нравилось шокировать объятиями при встрече моих поклонников и его поклонниц. Затем это вошло в привычку, вредную для здоровья сплетников и пошляков.

– Да снимай скорее пальто, – тормошила я его. – Слушай, только сейчас вспомнила, что пространство, в котором ты находился минуту назад, моя бабушка называла лестничной клеткой. Так что, добро пожаловать из клетки на свободу.

– Здравствуй, Поля, – светло, но мимолетно улыбнулся он. – Я, собственно, ехал мимо и вдруг подумал, что если свалиться тебе снегом на голову. Получил твоей искренностью по совести, вспомнил про прошлогодний снег, и стало неловко за мальчишество. Извини, что не предупредил, каюсь, сотовый в кармане.

– Ты десятый.

– Десятый за утро без предупреждения? – изумленно уточнил слегка одичавший от частого пребывания за, как некогда было принято писать, рубежами нашей необъятной родины Андрей и попятился. Дескать, такого ты не вынесешь, откланиваюсь.

– Нет, просто десятый. Пойдем в кухню, сварю кофе по-андреевски. У меня своя статистика. Пятеро потенциальных гостей звонят предварительно ради собственного удобства. Чтобы не ломиться в пустую квартиру или не терпеть охи-ахи хозяев. Шестой и седьмой воспитаны в семье таким образом, что звонок перед визитом – это безусловный рефлекс. Восьмой и девятый действительно ценят время и уважают планы тех, к кому собрались. Хотя вряд ли допускают мысль о том, что им могут взять и отказать в приеме. Десятый же идет по зову души, ему не до условностей. Пустьят или нет для него вопрос судьбы, а не этикета.

– Если статистика такова, тебя окружают приличные люди, – констатировал Андрей.

– Знал бы ты, чего мне стоит каждая вынужденная расчистка авгиевых конюшен общения. Самое паршивое, что ты и еще несколько тебе подобных возникает очень редко. Все-то вы заняты. О, вспомнила отвратительное словцо – востребованы другими.

– Спасибо, Поля, – чуть расслабился Андрей. – Я могу перестать упрекать себя в хамстве?

– Еще одно покаянное слово, и я продемонстрирую тебе, что такое хамство....

За болтовней мы привычно и дружно перетасили в комнату кофе и печенье. Андрей считал себя любителем последнего, но скорее был знатоком его. Все-таки любительство подразумевает увлеченное употребление, а не старание попробовать как можно больше сортов в минимальных количествах. Когда-то я даже прозвище другу придумала – «дегустатор».

Я украдкой разглядывала Андрея. Осунулся, смеялся через силу, смотрел тревожно. Казалось, урони я ложку, вздрогнет и начнет озираться. Он мало походил на триумфатора, которому в течение двух последних недель стоя рукоплескали меломаны европейских столиц. А ведь было. Наши общие приятели отслеживали по тамошним газетам рецензии на его выступления, не знаю уж, с какой целью. Может из любознательности? Может людям в кайф

читать на иностранных языках о своем знакомом? Наверное, они слишком буквально понимают поговорку: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты».

Мы расположились на диване. Я открыла, было, рот, чтобы поздравить и порасспросить, но Андрей меня опередил:

– Был на кладбище, отвез Даниле цветы. Никак не могу отделаться от ощущения, что и мертвому актеру букет приятен.

– По-моему, нам всем после смерти гораздо полезнее поминальные свечи.

– Я и в церкви был. Поля, расскажи, что случилось с Данилой. Говорят, ты посодествовала восстановлению справедливости и наказанию порока.

– Брешут. О ком угодно, что угодно наплетут, лишь бы свое сокровенное не выболтать.

– Я тебя очень прошу. Мне это очень нужно.

Я еще раз взгляделась в печальное лицо Андрея. И перестала ломаться. Отрешенно подумала: «И у него что-то стряслось. Эпидемия неприятностей среди знаменитостей. Время такое на Москве». Потом собралась и заговорила. Андрей молча слушал, позабыв про кофе. Крошил в блюдце одно печенье за другим и не замечал, что обломки уже давно сыпались на стол.

1.

Это был день Данилы, не мой. До сих пор проклиная себя за то, что хотя бы не оттянула трагедию. Почему, почему я не уговорила его поехать на дачу, вытерпеть бахвальство пьяного Федора? Однако, по порядку. Все равно в бедламе современности «порядок» – лишь математический термин.

2.

Данила позвонил сам около одиннадцати утра. За окном моросил февральский дождь.

Это была та степень нудежа, когда неумное природное явление вызывает не тоску, а агрессию. Кроме того, небесные слезки оказались очень холодными. Уж на что я оптимистична – расхваливаю дождь, как дармовую косметическую процедуру – и то не выдержала, отказалась от утренней пробежки. А после из дома отменила пару встреч: трепотня одна намечалась. О таких беседах наша общительная дворничиха говорит:

– Попользуются тобой: «Глаша, какое ваше мнение по данному серьезному вопросу»...

А денег фиг дадут.

В общем, среди бела, вернее, сера дня я шлялась по дому в халате и мысленно убеждала себя в том, что погода мешает не только лентяям.

– Поля, – сказал его отлично поставленный создателем голос, – мне приснился жуткий сон. Почему-то он кажется вещим. Будто мы с женой бродили по окраинам. Знаешь, там, где сараи, бараки...

– Данила, на окраинах нынче многоэтажки граничат с лугами и лесом. Приличная экологическая обстановка включается в стоимость квадратного метра. Сараи и бараки давно очутились в центре.

– Поля, представляешь, было много утоптанного снега и мрак, адский мрак...

– Разве в аду не светло от пламени костров?

– Не желаешь меня выслушать? – вспыхнул он. – Никому я в депрессии не нужен.

У меня переливалась через край ванна, и выкипал чайник. Я просто хотела отвлечь его немного уточнениями о задворках и преисподней, чтобы погодил вдохновляться до тех пор, пока я не выключу плиту и не завинчу кран. Творцы – народ мнительный, особенно актеры. Предпочитают монологи. И, если решились на диалог, то собеседник должен подавать лишь краткие толковые реплики, усиливающие эффект реплик звезды. Данила талантлив и славен. Он мне про жуткий вещий сон, а я ему про сантехнику и посуду. Какое же это усиление эффекта? Сплошное издевательство. Главное, я действительно любила с ним неспешно беседо-

вать и ценила доверие капризного, но возбуждающего интеллект оригинала. Пришлось облечь правду в форму благоговения. Хотя обычно он бывал менее взвинченным, и мы обходились без таких крайностей.

– Данила, извини, я не решалась перебивать тебя ерундой. Можно я газ под чайником в кухне выключу? Он уже и не шумит, а тихо готовит пожар.

Подействовало.

– Поленька, солнышко, о чем ты! Что значит: «Не решалась»? Мы дружим с детского сада!

Мы родились в один день, жили в одном доме. И ясли, и детский сад, и школа, и класс были у нас общими. Разумеется, не только натуры артистов настоятельно требуют похвал. Но у лицедеев это масштабнее, честнее и наивнее, что ли. Под такие трогательные размышления я мигом покончила с делами, устроилась в кресле и услышала в трубке царственный, все еще чуть разочарованный басок:

– Начну сначала. Не возражаешь, солнышко?

– Ты повторишь на бис, Данила, – разошлась я.

Посмеялись. Чувства меры и юмора ему не изменяли. Он им – изредка и ненадолго – случалось.

Итак, в сновидении он мотался со своей молодой и действительно красивой женой по каким-то подворотням. Потом они приблизились к длинному грязному сараю. Жена сказала, что это уборная, и торопливо вошла. Сначала он испытал досаду. Баловал – баловал, поддавался – поддавался очарованию ее непосредственности и естественности, а она не побрезговала уличным толчком. Лучше бы прямо на дороге присела, ни души кругом. Вдруг он заметил, что у сарая не одна дверь, а три. Если считать, что жена скрылась за первой, то возле третьей густо толпились люди и глядели в небо, на котором отсутствовали луна, звезды, кометы, дребезги салюта – сплошная чернота. Вторая же дверь являлась чем-то вроде разделительного знака. Он смутно забеспокоился, словно фольги пожевал. Рванул отделившую его от жены преграду и обомлел: пять неопрятных бесформенных баб шебуршали в крохотном помещении, а ее не было. Он рванул к щели между сараем и глухим забором выше человеческого роста. Наверное, спряталась его благоверная, пошутила. Ей ли и за ручку этой клоаки в досках братья? Но щель зияла слишком узко даже для взрослой кошки...

Я подложила под мягкое место замерзшие босые пятки, хлебнула остывающего кофе и совершенно расслабилась. Чудилось, будто Данила читает мне новый сценарий. Вот-вот хитро хохотнет: «Впечатляет, Поля? Как тебе стиль? Меня не то что бы за душу берет, но настроение меняет, меняет. Я, пожалуй, возьмусь за эту муру».

Но вернемся к его ночной фантазмагории. Закончив исследование «запасных путей» и наволновавшись за исчезнувшую жену, он вдруг обнаружил, что сортир превратился в освещенный изнутри электрическим светом склад. Причем подчеркнул «гнусную тягостную желтизну этого света». Первая и вторая двери настезь, крыша над ними частично разобрана, третья дверь была закрыта. Толпа по-прежнему смотрела во тьму и своеобразную границу средней двери не нарушала, словно рядом ничегошеньки не происходило. А происходило натуральное разграбление склада. Человек пять или шесть с мерзкими рожами тащили тюки, пакеты, ящики, свертки. Один пер лыжи! Но хуже всего было то, что на остатках крыши и по земле прыгали две гориллы, при внимательном рассмотрении оказавшиеся ухмыляющимися загримированными парнями в меховых комбинезонах...

Он описывал это долго, детально, захватывающе. Меня немного смутило то, что даже сейчас, когда кошмар миновал, Данила упомянул обезьян, с которыми, по-моему, было все ясно. А он поведал, как окликнул грабителей, как к нему подбежал огромный детина с «абсолютно сине-фиолетово-желто-зелено-черным лицом» и угрожающе зыркнул, всего лишь зыркнул...

Туя я не вынесла и простионала:

– Почему мужик такого цвета?

– Следы регулярных жестоких побоев. Синяки в развитии, – отчеканил Данила.

Я схватилась за сигарету и зажигалку. Пальцы опасно для обивки кресла дрожали, мурашки по спине уже не ползали, а скакали. А Данила не останавливался. Когда зловещий тип по ходу повествования швырнул в него кучу каких-то украшений из кожи на шнурах, мне представилось, что сейчас последует сцена безжалостного удушения героя, и я захрипела:

– Извини, я быстро.

– Давай, я пока минералки выпью, – снова превратился в старинного доброго друга Данила.

Я помчалась в туалет. Скучные остатки сознания цеплялись за спасительную мысль: «Если он жену такими рассказами часто пугает, не мудрено, что у бедняжки недержание мочи. Тут в любой сортир ломанешься, не взирая на рекомендации представителей санэпиднадзора. И присаживаться, где прижмет, при любом количестве публики, она у него скоро будет. Не долго уже до этой стадии, раз самому Даниле такое в кошмарах снится».

Через несколько минут я доложила о готовности ко второй части потрясающего моноспектакля Данилы Арова. Произноси тот же текст обычный сновидец, сдохла бы со скуки. Но когда за дело берется большой актер! Ох, как он играл свой бред для единственной слушательницы. Я в зрительницу превратилась – перед глазами возникали его давешние видения, внутренности мои заплетались в косичку от страха, и очень хотелось плакать от жалости то ли к нему, то ли к себе, то ли к грабителю, которого так бьют. Поэтому последовавшее продолжение в виде коктейля из краткого курса обществоведения и опыта самобичевания меня смутило. Исчезли колоритные образы, неповторимо потянуло свежей газетой. Но внимать лишь интересному всякий может. Я не стала углубляться в вопрос, то ли я не всякая, то ли не могу, а просто покорила исповеди Данилы.

– Поля, Поля, – медленно говорил он, – перед тем, как разноцветнорылый гигант нарядил меня бижутерией, словно елку, я пытался обратить внимание народа на происходящее. Ни один человек не отреагировал. Уставились уже не вверх, а куда-то в сторону, и не шелохнулись. Я понимал, что самому опасно и бесполезно вмешиваться. Но банда так нагло творила безобразия! Я крикнул: «Прекратите!»! Протестовал обреченно, вроде, просчитав последствия, и все равно слишком сильно испугался, когда этот тип двинулся ко мне. Дальше – гораздо противнее. Набрасывая на меня пригоршню небезынтересных в художественном смысле кулонов на тонких кожаных шнурах, он процедил: «Ты замазан. Докажи, что не был заодно с нами». Тут я струсил до озноба. Срываю с себя вещицы, хочу удрать и явственно ощущаю, что набить ими карманы – только ими, на прочее я не зарился – тоже хочу. Так и не успел разобраться, чего сильнее жаждал. Все было настолько реально, что, проснувшись, я спросил жену, куда она делась из заведения. Она: «Из какого»? Я объяснил. Она мне хрясь претяжелую пощечину. Только тогда сообразил, что в забытии померещилось. Ты в состоянии истолковать подобную чушь?

Я была в состоянии свести его с опытным знакомым психоаналитиком. Прикидывая, как бы потактичнее предложить обратиться к специалисту, тянула время:

– Ты своих гомеопатических гранул с мухоморами не переел? Фильмы ужасов в режиме нон-стоп не просматривал?

– Не издевайся. Плохо мне.

– И не пытаюсь. Данила, а вдруг вещий характер этого сна уже исчерпан? Получил от жены по морде лица, и хорош. Ты же гений, можешь пышно оформить воображением и такое скромное событие.

– И не шути. И не льсти. И не успокаивай. И не...

– Слушай, я по поводу обезьян. Даже неловко тебе про Голливуд напоминать. Тебя в детстве не слишком потрясла теория Дарвина? Потому что, если это не потаенная мечта сыграть Кинг-Конга, то что-то связанное с происхождением видов, не иначе.

– Горячо, Поля, солнышко, – оживился Данила, который при попытке намекнуть на пресловку банальных впечатлений в один тюк, который уже не развязывают до отправки на тот свет, начал сердито посапывать. – Почти в младенчестве мне сообщили, что люди произошли от обезьян. И что непослушные мальчики могут снова запросто превратиться в лохматых предков. Я перенес шок. Шалил и подбегал к зеркалу в ужасе, в слезах. А потом по телевизору показали крупным планом глаза шимпанзе. В них стояла вселенская вечная печаль. И я решил, что тот шимпанзе – бывший непослушный мальчик. О, Поля, дошло! Если ребята плохие, воры, значит, они обезьяны. Спасибо, мне легче.

Я вмиг забыла, сколько раз упомянутый психоаналитик порывался надрать мне уши. Называл главным врагом России из-за пристрастия к разговорам по душам. Уверял, что начинать жить нормально надо не с экономики и политики, а с избавления нашего народонаселения от этой пагубной привычки. Дескать, вместо одного собственного, сплошь сотканного из эгоизма и претензий бреда человек принимается осмысливать еще и бред собеседника того же качества. Результат? Да вот он – мы и наше существование. Но тогда, подняв, как мне казалось, Даниле настроение, я не удержалась и продолжила. Растолковала ему, что его кошмар – суть перебор негативной информации и принятие ее слишком близко к сердцу. Меньшинство ворует, большинство безмолвствует и бездействует. Он – знаменитый талантливый актер – и не нищенствует, и к «банде» не принадлежит. Когда рискнул возмутиться, ему подкинули от сомнительных щедрот, чтобы несведущий народ не смущал. Смотрит люд в пустое небо, ждет чего-то, и пусть себе. А Даниле и пачкаться неохота, и жить по-человечески тянет, вот и помаялся во сне выбором.

– Почему туда меня завела жена? Я стал популярным задолго до знакомства с ней, – озадачился Данила, похоже, выбирая, оскорбиться или рассмеяться.

– Шубу, наверное, накануне просила, – брякнула я, – бриллианты, новую машину. В случае отказа грозилась уйти к олигарху.

Он захохотал. И вдруг осекся:

– Поля, скажи честно, тебе приказали меня проверить или попросили за вознаграждение? Тебе – меня? Невероятно!

Я онемела. К нему срочно нужно было вызывать дюжих санитаров из психушки, аналитика привлекать поздно.

– Данила, ты до сих пор в трансе? В каком смысле проверить? Ты мне сам позвонил, красочно рассказал о своей ночной мороке. Не возьму в толк, о чем сейчас речь, но, получается, не я тебя, а ты меня проверял. Состряпал некий сольный номер, или тебе его сочинили, великолепно исполнил, усыпил мою бдительность и...

– Тогда откуда такая трактовка? – перебил он.

Я была ему благодарна. На окончание предложения у меня не хватало фантазии.

– Господи, Данила, очнись, Из газет, радио, телевидения, интернета. Откуда такая еще? Если я тебя обидела ненароком, извини. Но ведь с утра до вечера и с вечера до утра отовсюду несетя об углублении пропасти между богатыми и бедными, о нажитых воровством состояниях, о коррупции и безнаказанности. У меня в голове вся эта правдивая дребедень тоже откладывается. Она идет в ассоциации с чем угодно, хоть тебе блоковская роза в бокале вина приснилась. Каюсь, я мыслительница отвлеченная, да и не собиралась на твоих любимых мозолях топтаться. Возможно, тебе предложили откровенную халтуру не по уровню, зато за гонорар того самого уровня, и ты мучаешься, да так, что все тебе видится во мраке и холоде. А отворачивающиеся люди – это твои зрители, потому что ты не уверен, что поймут и простят. Ну, если не вообще, а в частности, я менее подозрительно выгляжу?

– Прости, Поля, солнышко. Нервы у меня ни к черту. Будь умницей, ты всегда меня прощаешь.

Если я собиралась найти повод предложить ему качественную консультацию приятеля, то цели достигла – Данила Аров пожаловался на нервную слабость. Я спешно продиктовала ему номер телефона, он нарочито вежливо поблагодарил. На том и закончили. Данила был подавлен. Сказал, что ложится спать после изнурительной ночи и надеется на приятные сновидения. Я их ему искренне пожелала, дала отбой и отправилась менять воду в ванне, бормоча:

– До чего все в мире несуразно. Такое ощущение, будто после прекрасной премьеры получила в переходе по физиономии. Надо же было додуматься! Меня купили, чтобы его проверить! Хорошо, что он не в себе, а то обижаться впору. Ну что я несу, плохо, а не хорошо... Все, Полина, взбодрись и помни: ты сейчас идешь расслабляться в теплой воде, а не топиться.

3.

Не будь у меня других божественных знакомых, я бы подольше концентрировалась на Даниле Арове. Но вообще-то его срыв меня не потряс. Не такое видела и слышала. Все, что они в аффекте несут, необходимо поскорее забывать. Это – неизвестный язык, в котором нам слышатся знакомые слова. Они после сами себя поедом едят, кто тайно, кто явно. Особенности психики. Без них они бы инженерили или учительствовали. Впрочем, у инженеров и учителей тоже свои особенности. Как говаривал один старый доктор: «Признайся мне, кем и сколько лет ты проработал, и я безошибочно поставлю тебе не меньше трех диагнозов». Будучи столь подкованной, я быстро занялась собственными делами. Зимний дождь все еще шел, но я наконец-то сообразила, что не в квартире, а за окном. Биться в путях тоски смысла не имело.

Однако, похоже, беда уже ненавязчиво курировала Данилу, неслышно за ним подглядывая, и незримо его подслушивая. Едва я включила компьютер после вождельных водных процедур и пития мелкими глотками зеленого чая, как неведомый наглец на лестнице принялся исполнять на моем звонке мелодию. Добро бы что-нибудь приятное. Но он похоронный марш вызывал.

Так, и я впала в маразм «предчувствия задним числом». И я пытаюсь сделать вид, будто связала разговор с Данилой и безвкусную выходку выпендривающегося шутника. А ведь совсем недавно относил подружке в роддом передачу и, пока ждала записки из палаты, исхищалась. Пятерым дамам разного возраста сообщили, что их родственницы успешно посягнули на изменение численности человечества. И все пятеро, незнакомые, в разное время оказывавшиеся у окошечка дежурной, восклицали:

– В четыре (пять, шесть и т.д.) родила? То-то я ровно в этот час проснулась (споткнулась, чашку на счастье разбила и т.п.). У одной дамы даже цветок минута в минуту на подоконнике расцвел.

Словом, признаюсь, хотя соблазн объявить себя провидицей и велик, но ни о какой бедокураторше я тогда не думала. Решила: «Не по мне звонят в мою дверь. Вряд ли человек станет предупреждать о своих дурных намерениях столь громко и недвусмысленно». Минуты три я терпела. Затем, находясь на том этапе носорожьей ярости, когда у зверя наливаются кровью глаза, я с носорожьей же грацией подкралась к двери, проигнорировала глазок и распахнула ее.

С лестничной площадки в прихожую ввалился Федор Пансков. Буквально ввалился, как прислоненный к косяку после чистки снегом ковер.

– Полю, изобразить ползучего режиссера пластическими средствами? – спросил он заплетаясь языком.

Денек выдался щедрым на «деятели культуры и искусства». Я поняла, что упрекать Федора в исполнении траурной музыки на звонке бессмысленно. Он был здорово пьян, но не беспамятен. Мужчина просто развлекался: рассказывают же анекдоты про похороны, и все смеются. Кроме того, злиться на него, наблюдая пантомиму «режиссер ползучий», было

невозможно. Очень уж способный гад: умудрялся как-то внушить, что именно режиссер ползет, и никто другой.

Представление завершилось возле стола. Пансков чинно уселся в кресло, взболтал содержимое моей чашки («Будь благословенна сия жидкость»), влил в себя в один прием и заорал:

– Полина, какая благодатная горечь!

– Зеленый чай, Федор, всего лишь. Когда мне его рекомендовали, гарантировали изумительное самочувствие и настроение после приема. Я впервые заварила по инструкции, попробовала и сразу сообразила – не лгали. Уже от того, что употребление этой пакости закончилось, и самочувствие, и настроение резко улучшались. А потом я втянулась, кофеина в нем очень много.

Федор Пансков сделался пьяно галантен. Извинился за вторжение, выразил готовность немедленно убраться, если он некстати. Но даже не приподнялся с места. И стало очевидным, что визит-то деловой. Подурачился мужик, пар выпустил, теперь не взорвется от переполняющих его замыслов. У тридцатипятилетнего Панскова было в избытке, даже переизбытке идей, ему никто, кроме оголтелых завистников не отказывал в талантливости, поговаривали о мощной энергетике и необыкновенной эрудиции этого господина. Федору не доставало связей и умения прогнуться перед нужными людьми. Однажды я видела, как он стойчески пытался. Даже у меня создалось впечатление, что он попросту пьяно измывается. Что почудилось благодетелю, неизвестно, но вместо помощи он дал Федору в морду.

При таком раскладе топтать к успеху Панскову предстояло долго и мучительно, а он по натуре был скорее спринтером, чем стайером. Федор уже крепко попилвал. И, стоило удаче немного к нему запоздать, мог пропасть.

– Полина, сведи меня, пожалуйста, с Дániлой Аровым, – посерьезнел Федор. – Вы ведь э-э друзья. Если он согласится у меня сниматься, я выдам э-э нетленку и заткну всех, но не за пояс, а ниже.

Меня его самонадеянность не покорила. Они поголовно гении, которым сам дьявол не брат. А наедине с собой причитают: «Я бездарность».

– Федор, – сказала я, – мы с тобой знакомы всего полгода. – Я, позволю себе напомнить, журналист. Как прикажешь тебя рекомендовать, если я не имею отношения к кино? Это не так делается. Через неделю, надеюсь, у меня соберутся человек десять, включая Арова. Посидим, поедим, поболтаем. Я вас представлю друг другу. Там тебе и карты в руки.

– Он мне нужен э-э немедленно.

– Федор, мое терпение на исходе. Ладно, открытый текст. Данила не выносит спиртного и табачного дыма. И к имеющим подобные пристрастия людям относится настороженно. Даже я стараюсь при нем не курить, а если припрет, в собственном доме выхожу на балкон.

.– Я думал, ты его выманишь из берлоги, и рванем сейчас ко мне э-э на дачу.

– Тебя не проняло? – рассердилась я. – Он никуда не рванет с нетрезвым человеком. Твое «э-э» тебя с головой выдает – трудно слова подбираешь. Извини, но обсуждение рисунка предлагаемой роли с Аровым в такой манере нереально.

– О кей, я разжился его э-э адресом, сам приглашу.

– И все себе испоганишь на веки вечные. С Аровым до пластических этюдов не дойдет. Что ты для него приготовил? «Режиссер, получающий Оскара»? И музицирование на звонке он сочтет плоской шуткой. Напрасно ты затеваешь балаган. Потерпи несколько дней.

Федор Пансков силился сосредоточиться и не «экать», чтобы доказать мне – он владеет собой. Но, подобно всем пьяным, именно в этот момент стал особенно косноязычным. Он поклялся «посрамить снобизм» и, пошатываясь, отбыл.

«Не предупредить ли Данилу?» – прикинула я. Но пожалела. Пусть отсыпается. Вряд ли Федор до него доберется. Скорее всего, задремлет в транспорте, покатается вволю и ринется опохмеляться.

Я успокоилась и приступила, наконец, к собственной работе. Без помех протрудилась до вечера, чему сама удивилась.

4.

– Салют, детка, – с порога приветствовал меня полковник Виктор Николаевич Измайлов, – все-таки ты испортишь за компьютером зрение.

Вик уверяет, что ему нравится называться не любовником моим, а сожителем. Потому что «с любовью все ясно – сердцу не прикажешь». Но жить со мной – подвиг, и он хочет почаще слышать о своем героизме. Я злюсь на него за этот треп. Однако если учесть, что порой он натывается у меня на людей типа экстравагантного Федора Панскова, приходится частично признавать его правоту. Добро, ему есть, где укрыться. Мы обитаем в одном подъезде – он на втором, я на третьем этажах. Убойщик и журналистка... Бесперспективная в смысле брака парочка.

– Еще несколько строк, и будем ужинать. Устал, милый?

– Прежде всего, соскучился.

Симфония! Пришлось с абзацем повременить. Но что-то в пылкости Измайлова было странным. Он меня, словно, утешал.

– Похоже на аванс, а не на зарплату, Вик.

– Это и есть аванс. У нас впереди ночь.

Даже он, грустный и мудрый вестник, не предполагал, какая нам предстояла ночь.

– Ну и что нынче молодежные кумиры скрыто рекламируют? – вновь удивил меня полковник, когда мы сели за стол. – Трое суток от телевизора не отходила? Или четверо? Как только в своем уме осталась.

Последний пункт начинал вызывать у меня смутные сомнения. Приятно, конечно, что его волнует мое редакционное задание, но по его же инициативе мы договорились за едой обсуждать только кулинарию. Недоумевая, я все же ответила:

– Рекламируют то же, что и обычно. Сигареты, конечно, ушли. Но спиртное в сериалах и передачах о личной жизни тружеников искусства осталось. Слушай, Вик, это уже не интересно. Все слишком измельчало. Почему ты скривился? Блины невкусные?

– Блины исключительные. Только не усердствовала бы ты слишком. На ханжество смахивает. Сама не отказываешься от рюмки. Твоя ли тема?

– Почему нет? Надо пытаться убеждать юных не начинать, не пробовать. Отвратительно, когда такого рода рекламой занимается человек, который через все свои наркологические клиники прошел, сам не травится, детей своих лучше убьет, чем к рюмке подпустит, а чужие пусть любуются.

– Поленька, не преувеличивай. Молодежь нынче мало пользуется телевизором.

– Та, о которой ты говоришь, и презервативами мало пользуется. В том-то и беда, что практически дети у экранов торчат.

– А мы с тобой дети?

– А что?

– А давай хлопнем винца и покурим.

Чертовщина какая-то. Если на предмет винца Измайлов не был особо строг, то спрятать от меня сигареты норовил постоянно. Но не отказываться же от удовольствия. Мы перебрались в комнату. Измайлов разбирался с содержимым бара, я потянулась к пульту.

– Пялиться в голубой экран тебе противопоказано. Весь вечер стараюсь убедить. Отдыхай, – потребовал заботливый Вик. – Смотри на меня. Мужского стриптиза не желаешь? Я не прочь переодеться при тебе в домашнюю одежду.

Грех было не оценить его изобретательность после трудового дня в убойном отделе. Я попросила дать мне бокал побольше, чтобы обойтись без добавки и неотрывно насладиться

предстоящим зрелищем. Полковник отправился к кухонному шкафу. Я машинально нажала кнопку на пульте. Вернувшийся Измайлов укорил меня взглядом.

– Ох, прости, милый. Автоматом получилось. Привычка к вечерним новостям, а не фригидность. Сейчас я...

– Чему быть, того не миновать, – напряженно усмехнулся Вик. – Избавила от необходимости путаться в штанинах. Ладно, телеманка, не принимаешь пощады, не надо.

Я не успела выяснить, как соотносятся стриптиз и пощада. Из ящика раздалось: «Беспрецедентное преступление. Сегодня, ориентировочно в шестнадцать часов в своей квартире двумя выстрелами – в грудь и голову – был застрелен Данила Аров. Полиция воздерживается от комментариев»...

– Зачем? – тупо спросила я Измайлова. – Ты знал?

И, не дождавшись ответа, все поняла. Его непривычные убаюкивающие ласки, просьбы не смотреть телевизор, крепкое вино, готовность «путаться в штанинах», слова о пощаде. Вик пытался даровать мне часы покоя. Я поцеловала его и шепнула:

– Спасибо, милый.

Не то чтобы особую интимность момента ощутила, просто голос сел.

– Получается, не за что, – проворчал он.

– Данила днем звонил, Вик. Тебе наверняка будет любопытно. Но сначала мне нужно будет съездить к нему. То есть к Ольге.

– Разумеется, я отвезу.

Ольгу, вторую жену Данилы Арова, я знала не близко. Они поженились полтора года назад. По-моему, она его ко мне ревновала. Усидеть дома я бы не смогла. Знала, друзья из его среды помогут, его любили. Но в такие моменты не предугадаешь, кто на что сгодится. Родители Данилы, которым я на самом деле понадобилась бы для поддержки в горе, погибли три года назад при взрыве баллонного газа в соседней квартире. Других родственников у него не случилось. Зато у Ольги их было предостаточно. Так что я собиралась выразить соболезнования, сказать, что поступаю в ее распоряжение, взглянуть последний раз на комнату Данилы и возвратиться к Вику.

Измайлов поупрямился, но в итоге согласился на мое предложение. Он укладывается на диван, я отправляюсь на такси. Если придется задержаться, звоню. Если не придется, вызываю мотор и тоже звоню, а Вик встречает меня возле подъезда. Вояж обещал быть кратким – максимум в одиннадцать вечера я рассчитывала вернуться. И в любой другой ситуации предостерегла бы полковника от излишней опеки, отговорив вообще выбираться из дома. Но в данной сил не было с ним спорить. Если человеку легче спуститься на улицу, пусть прогуляется.

С Ольгой все получилось так, как я и предполагала. Правда, попасть к ней оказалось непросто. В подъезд пускали только жильцов, хотя во дворе особого ажиотажа не было. Мир не без добрых людей, я прорвалась под видом родственницы соседа Данилы, с которым не раз курила здесь на лестнице. По трехкомнатной полнометражке Данилы, которую он купил сразу после гибели родителей, еще сновали розыскники. Кухня наполнилась зареванными тетушками Ольги, среди которых совершенно потерялись несколько замечательных театральных и киношных лиц. Я выполнила свою программу, кроме звонков. Телефон отключили и правильно сделали.

В окрестностях я ориентировалась хорошо, заблудиться не предполагала. Стоило пересечь просторный двор справа, нырнуть под крайнюю арку и пробежаться по крохотному дворику, как любой следопыт к изумлению своему оказывался на одной из центральных магистралей. Найти там транспорт труда не составляло. Труднее было соблазниться пешей прогулкой. Но что-то за эти сутки разладилось в мироздании. Тот самый дворик освещали фарами две полицейские машины. Возможность прошмыгнуть стороной, где кучковались любопытные, была. И я ею не пренебрегла, потому что с другой стороны самым реальным средством пере-

движения было метро, до которого пришлось бы волочься минут двадцать. Конечно, нервные полицейские не всегда адекватно реагируют на новых зевак. Главное, не гипнотизировать стражей порядка. Взгляд обладает гораздо большей призывной способностью, чем голос. Однако я не удержалась и скосила глаза на красный замызганный Москвич, удостоившийся своеобразной иллюминации. Заднее боковое стекло было в разводах крови. Полицейские распахнул дверцу, и любопытные увидели неподвижное тело молодого мужчины, которое от произведенного сотрясения сразу начало тяжело сползать с сиденья. Тот, кому его собственный язык всего лишь враг, – счастливец. Мой язык – это мой палач.

– Федор! – завопила я. – Федор! И тебя тоже?

В эту минуту я представляла собой легкую добычу для высокого плотного парня в кожаной куртке. Он взял меня под локоть и решительно повлек со двора.

– Кто вы? Кто такой Федор? Почему и что «тоже»? – спрашивал он по пути.

Я представилась этому разговорчивому миляге и надоумила его: человек из Москвича – кинорежиссер Федор Пансков. Он собирался в гости к Даниле Арову, и творцы явно не встретились.

Я испытывала эйфорию, чуть ли не благодарность судьбе за то, что Федора убили. Именно на примере того своего состояния я проникла в смысл слова «помешательство». Если честно, я не сомневалась в виновности режиссера. Явился к Даниле, тот спросонья не разобрал, что визитер пьян, потом стал гнать, и Пансков пустил в ход оружие. Как раз к четверем вечера он и должен был оказаться у Арова. Откуда у Федора мог взяться пистолет, и с чего такая киллерская меткость, я не задумывалась. Может, он притворился пьяным, и я призвана подтвердить его алиби, дескать, не стрелок? Мне предстояло признаться Измайлову в том, что я не предупредила Данилу о намерениях Панскова.

И свидетельствовать против Федора, возможно, единственной свидетельствовать. Но, коль режиссер мертв, значит, не он спустил курок.

На этом эйфория иссякла. Меня бесцеремонно втолкнули в стоящий у обочины автомобиль с мигалкой. А мои возмущенные возгласы перекрыли отборным матом, из которого следовало, что я подозреваюсь в убийстве Данилы Арова. Во всяком случае, соучастие мое в нем сомнений не вызывало. На резонный вопрос, что же я до сих пор кручусь на месте преступления, мне ответили такими матюгами, которых я не понимала. Я мигом превратилась в реалистку. Говорила, что они ошибаются, что я рвусь сотрудничать с полицией, предлагала связаться с полковником Измайловым.

– Мелко плаваешь, – заржали ребята, – мы звоним только генералу Комиссарову и исключительно по домашнему телефону.

– Генерал Комиссаров— непосредственный начальник полковника Измайлова, – попыталась смягчить их осведомленностью я.

Только навредила себе, заслужив характеристики ушлой бабенки и рецидивистки.

Полковник Виктор Николаевич Измайлов не сумел с поговорочных трех раз угадать, где я. Сначала он разыскал топтавшихся у подъезда и квартиры Данилы полицейских и выяснил, что описанная им девица благополучно пришла и ушла. Потом он потревожил больницы. Затем морги. Вик полагал, что я всегда разойдусь миром с коллегами, произнеся пароль его имени. После всех моих тогдашних злоключений полковник мрачно изрек:

– Жениться на тебе, что ли? Ведь не верят без штампа, что, пребывая в здравом уме и твердой памяти, я мог с тобой связаться.

Пока он тревожился, я пребывала в стандартной камере райотдела. Любо-дорого слышать, как в западных фильмах задержанным твердят о праве хранить молчание. Мне, напротив, внушали, что я, падаль, не имею никаких прав. До сих пор сама не верю, что вытерпела и не проронила ни звука. Наказать мою строптивость сразу было просто некому. Всех бросили «по горячему следу». Повезло. Я сидела на этих, как их, нарах, и вяло думала: «К утру Вик меня

найдет. Пусть даже утром. Усталой походкой проследует в кабинет здешнего хозяина и минут через десять вызовет. Ретивым молодцам пистон вставят. Я поплачусь полковнику, он меня пожалеет. Скажет: „Бедняжка, Поленька, представляю, каково тебе было увидеть труп Федора. Но ты, детка, умница, вела себя достойно. А уж за двухчасовое молчание тебе вообще положен прижизненный памятник напротив стола начальника этого отделения“. А если бы Измайлов мне не встретился? Не влюбился? Завтра по телеку сообщили бы о задержании подозреваемой, фамилия которой в интересах следствия не разглашается? Меня бы тем временем выворачивали наизнанку. Данила Аров и Федор Пансков мертвы, некому поручиться за то, что я не лгу»...

Измайлов – профессионал, поиски его увенчались успехом довольно скоро. Но то, что он сказал мне вместо «бедняжка, Поленька» бумага не выдержит.

5.

Я проснулась от запаха кофе. Подумала: «Как в рекламе». И чертыхнулась вслух: сто раз давала себе обещание помнить, что это в рекламе, как в жизни, а не наоборот.

– Сказочное пробуждение, – заметил Измайлов, внося в спальню поднос.

– Я ругнула рекламу, Вик.

– Вчерашнее приключение отразилось на психике? – забеспокоился полковник, притворяющийся то стриптизером, то официантом. – Занятно. Ты же сама рекламщица со стажем.

– Я идиотка со стажем.

– Не смею перечить.

Обычно после моих выкрутасов и его выволочек мы цапаемся минут по сорок. Но тут я ошалела от изумления. Измайлов не был в управлении, а носил мне кофе в постель? Решился обслужить, зная о моем неприятии подобного непотребства? Нет, правда, взрослая женщина, руки – ноги на местах...

– Тебя уволили за то, что ты меня из ментовки вытащил? – прямо спросила я, чтобы определить, много ли яду он положил в кофе.

– Меня с семи утра только немой начальник не призвал рыть носом землю, – улыбнулся Вик.

С семи? Выносливый мужик, уважаю.

– А я хитрый, никому не сказал, что важный свидетель по делу об убийстве Арова почивает на моей перине. Итак, детка, сейчас я на службе, так сказать при исполнении. Поэтому не теряем ни секунды на твои гимнастики, умывания, одевания и прочее. Воспользуюсь своим положением...

– Не служебным, личным, – прошипела я, почему-то особенно раздосадованная тем, что он препятствует умыванию.

– Поля, – посуровел полковник, – что ты только на моей памяти не вытворяла, в какую грязь не вляпывалась. Но впервые я тебя допрашиваю. До – пра – ши – ваю.

– Надо полагать, больше некого.

– Отчего же? Федор Пансков на очереди. Все считают его первым номером, один я вторым.

Нервного припадка удалось избежать благодаря профилактическим мерам, принятым Виком. Он набрал в рот воды из предусмотрительно водруженного на поднос стакана и обильно сбрызнул меня еще до того, как я успела пискнуть.

– Милый, ляг, пожалуйста, рядом, – захныкала я, после того как он же меня и вытер полотенцем.

– Полина!

– Да не для секса, а для неофициальности.

– В таком положении я прежде не работал, – буркнул полковник и подчинился.

Я рассказала ему все. Даже про пантомиму «Режиссер ползучий». Ехидных комментариев не последовало, и это было дурным предзнаменованием.

– Поднимайся, детка. Придется транспортировать тебя на очную ставку с Пансковым. Не дрожи, организуем, только если возникнет необходимость. Но будешь под рукой.

– Зачем я вам? Я, кроме крови на стекле, ничего не видела.

– Его обнаружили в машине, на которой к Арову, похоже, прибыл киллер. А кровь его собственная – носом разбитым поелозил.

Очной ставки не понадобилось. Пансков не пытался скрывать визит ко мне и довольно точно передал смысл наших препирательств. Поведал, что адрес Данилы выпросил у его бывшей жены Нади, наврав ей, будто актер на грани самоубийства из-за слабеющей популярности и отсутствия ролей. Надя не из тех, кто живет прежними мужьями, успехами Данилы интересовалась слегка и изредка, поэтому поверила и, как могла, помогла – подогнала режиссера Панскова. Послали к соломенной вдове, та подтвердила. У Измайлова становилось все больше поводов верить Федору. И все меньше шансов раскрыть явную «заказуху».

Еще бы. По словам Панскова, он в запале поймал такси и около четырех принялся ломиться в дверь Арова. Ему не открыли. Федора вдруг осенило: змея Полина настроила актера против него по телефону. И Данила либо затаился, либо удрал. Мне потом рассказывали, что, когда Федор заявил о своей готовности и способности в тот момент убить меня, полковник тонко понимающе улыбнулся. Кляня меня, на чем свет стоит, незадачливый режиссер начал спускаться. В его ближайших планах значилось посещение рюмочной и разборка с предательницей. На площадке третьего этажа курили двое парней. Они предавались этому занятию, и когда он поднимался, но тогда возбужденный Федор взглянул на них мельком. Теперь же стрельнул сигарету и ударился в пьяные откровения о мерзавцах вообще и о нас с Данилой в частности. Они безучастно его выслушали. Пансков и их причислил к черствым мерзавцам, причем вслух. Они не потеряли олимпийского спокойствия и тихо молвили ему: «Прощай, убогий». На улице же к раздраженному донельзя Панскову приблизился симпатичный мужик, настроенный своей человеческой природой на душевный лад. Позвал залить горюшко от столкновения с людским скотством, тормознул красный Москвич. Оба еще поржали над неведомо как сохранившейся рухлядью... Очнулся Федор в больничной палате под охраной хмурого дяди с автоматом.

Это могло бы сойти за неумелую легенду, алкогольный вымысел, режиссерский завих, если бы не объявился пенсионер, который видел в окно, как из припаркованного в начале пятого во дворе «москвичонка» выбрались двое мужчин. Увидел, восхитился качеством советского автопрома и уехал к истопившему баню шурина с ночевкой. Полицию вызвал другой бдительный гражданин. После просмотра теленовостей смекнул, что дом, где совершено громкое убийство, находится по соседству, и сигнализировал о «доселе не бывавшем под нашими окнами ржавом корыте». Кроме того, на темени Федора возвышалась заметная шишка, с которой сползала разможенная кожа, прихваченная парой швов.

Результатом послужили две ссылки. Панскову настойчиво рекомендовали вернуться в больницу под надзор полицейского. Он для вида покочевряжился, но затем даже потребовал провести курс дезинтоксикации. Меня полковник Измайлов запер в своей квартире, не испрашивая согласия. Обидно, но мне и потребовать-то было нечего. Вик ворчал:

– Неизвестно, что этот мудака наболтал о тебе в подъезде и машине. Будешь выживаться, верну в камеру. Я вообще напрасно поторопился с твоим освобождением.

– Лучше смерть, – выбрала я из двух зол третье.

– Лучше. Когда мертвый, а не когда умираешь, – согласился Вик.

Я позволила делать с собой все, что ему заблагорассудится. Убийство Данилы подействовало на меня отупляюще. Позже Измайлов вспоминал, мол, период моего заточения его осчастливил. Ни до, ни после дом не был таким чистым, еда такой сытной и вкусной, а я не бросалась

ему навстречу с таким неподдельным нетерпением. Вик – человек порядочный, поэтому премировал меня информацией о ходе расследования.

Составили и размножили фотороботы контактировавших с Панковым мужчин. Исследовали в «москвиче» едва ли не все винтики. Оперативно разобрались с отпечатками пальцев в квартире Аровых. Опросили столько знакомых Данилы, что от перечисления фамилий язык распухал. Баллистики поработали с гильзами и извлеченными патологоанатомами пулями. Гарантировали – использованный пистолет «не всплывет». Приобретен, черт знает где, и выброшен там же.

Делом одновременно занимались множество сотрудников различных подразделений правоохранительных органов. Каждый был учен: сутки, от силы двое труда всем миром, потом сформируют следственную бригаду, передадут ей ворох бумаг, и остальные переведут дух. Конечно, эти сутки – двое служивые использовали в меру своей добросовестности и испорченности. Поэтому брали количеством. Единица по фамилии Измайлов при любом раскладе оставалась в игре до конца. Впрочем, Вик попросту не умел филонить и халтурить.

Он навел Олгу Арову сам. Старался не терзать, но и лишнего сморкаться в платок не позволял.

– Чем дальше убитый от звания работяги, тем выше чин шуршащего при вдове мента? – спросила я.

– Чины тут ни при чем. Тут важно, насколько засвечена в скандальном преступлении женщина мента, – устало ответил Вик. И взорвался: – Сколько лет тому назад милицию переименовали, а? – Снова мирно пробубнил: – Замаялся я тебя отмазывать, детка.

Ольга утверждала, что ночью мужа мучили кошмары. Утром он пребывал в отвратительном настроении и нещадно к ней придирался. Только дураки жизнь со звездами считают райской, на самом деле это – ад...

– Ты, словно проверяешь достоверность каждого моего слова, Вик, – разобиделась я. – Подтвердит ли Федор, подтвердит ли Ольга?

– Я пытаюсь избежать появления твоих автографов на бланках протоколов, Поля. Неужели не соображаешь? За пять часов до смерти убитый исповедовался тебе по телефону. Потом ты общалась с подозреваемым до сих пор в его убийстве господином. Плюс общий фон. Вам с Аровым по двадцать пять, он известный актер, травит душу платонической близостью, но дважды не на тебе женат...

– Вик, ты спятил?

– Я из большинства, Поля. И не имей кое-каких интимных доказательств, что не по Арову ты ночами стонешь, рассуждал бы так же.

Это меня доканало. Если бы для того, чтобы стать или остаться друзьями со знакомыми мужчинами, мне пришлось с каждым хоть по разу переспать, я бы давно получила группу инвалидности. Пока у меня хватает психического здоровья хотеть быть сексуально привлекательной не для всех, а для одного и подольше. Кому-то польстил бы намек на физическую близость с Данилой Аровым. Но не мне. Мы с Данилой еще в школе заключили договор не трахаться без любви, чтобы не возникал соблазн бесконечных необременительных повторов. Иногда нам было трудно соблюдать его, и мы радовались своей стойкости. Чего не получалось втолковать ни Наде, ни Ольге, ни моему бывшему мужу. А теперь и Измайлов туда же. Мы и не пытались втолковывать. Просто дружили, как двадцать лет назад в песочнице. Но какая же клевета наши «куличики» сопровождала. Получалось, что меня упоминали в качестве любовницы Данилы Арова многие из обладателей славных фамилий. Про меня вся ментовка, как бы ее не перименовывали, языками чесала, народ единственную версию холил и лелеял – убийство из ревности. Полковник, каково тебе пришлось!

– Вик, я любила Данилу гораздо сильнее, чем тебя. В четвертом классе.

– Я люблю тебя сейчас сильнее, чем все Данилы, когда бы то ни было.

Вот поэтому я и предпочитаю одного... Вик меня любит. Но какая-то давящая его любовь, труднопереносимая. Впервые это чувствую. Может, от нелепости ситуации? Или от его терпеливого великодушия, когда осознаешь, что тебе до такого никогда не подняться? Бог мой, а не я ли и впрямь заказала Данилу Арова, поняв, что он не намерен на мне жениться?..

– Алло, Поленька, тебя откровения Ольги Аровой занимают?

– Нет, милый. То есть да. Слушай, Вик, мы с Данилой существовали рядом и никому не изменяли друг с другом. Чертовщина какая-то, мне кажется, я оправдываюсь.

– Перекрестись, если кажется, меня не стесняйся, – насмешливо бросил Вик.

К его и собственному удивлению я быстро перекрестилась. И наваждение спало.

– Так что там наплела тебе безутешная Ольга, милый?

– Ты плохо слушала, я начну сначала, если не возражаешь.

«Ты повторишь на бис, полковник», – подумала я, вздрогнула и взяла Вика за руку. Какая ерунда, полицейским не кричат: «Бис».

– Начни, сделай одолжение. Я поплачу. Не обращай внимания, я просто поплачу.

Итак, Ольга утверждала, что ночью мужа мучили кошмары. Утром он пребывал в отвратительном настроении и нещадно к ней придирался. Чтобы не поссориться, эта не по возрасту разумная особа в десять отправилась в тренажерный зал, потом в косметический салон, пообедала в центре и к половине четвертого прибыла на телестудию в офис господина Косицына. Она сотрудничала с ним целый год. Ей недавно исполнилось двадцать лет, она не удосужилась уточнить название его должности. Просто, когда Данилу приглашали в какую-нибудь передачу, Косицын связывался с Ольгой. Аров был порывист и резок. Мог несколько минут случайно посмотреть, к примеру, ток-шоу, скривиться, а позже, когда его туда звали, без обиняков заявить: «На меня не рассчитывайте, у вас скучно». Зато, если Ольга обрабатывала его исподволь и постепенно, веселый по натуре Данила соглашался, что любая телепередача – суть труд и творчество.

– Так вы были директором мужа? – спросил Вик.

– Ни в коем случае, – открестилась Ольга. – Он жил несовременно – на дружбе, приятельстве, взаимных симпатиях. Поручил мне лишь связь с телевизионщиками. Матвеем Косицыным она и ограничивалась. Матвей говорил только, к чему подготовить Данилу. Все остальное делал сам.

В тот вечер Матвей обсуждал с Ольгой перспективы. Выяснял, какие предложения поступили от театральных и кинорежиссеров, и то рассыпался в комплиментах, то хищно выведывал не только ближайшие, но и дальнейшие планы. Ольга устала от дипломатии. Они простились в половине пятого. В пять тридцать Ольга добралась до дома. Отперла дверь и наткнулась на труп Данилы.

Ключи она всегда носила в сумочке, оставляла ее в раздевалках саун, бассейнов и фитнес-клубов довольно часто. В шкафчиках, но что с того? Подруг Ольга навещала ежедневно, неизбежно встречалась у них с посторонними людьми. Словом, сделать слепок с ее ключей было удовольствием, а не наказанием. Да и Данила, где только не бросал пиджак, в кармане которого побрякивали обеспечивающие доступ в его «крепость» железки. Аровы доверяли сигнализации, поэтому о сохранности ключей заботились мало.

Все остановки Ольги на маршруте оперативники проверили, прохронометрировали и констатировали: везде отметилась, всюду засветилась, даже в пробке ухитрилась помахать рукой остановившейся рядом знакомой.

– Знаешь, кого мне все время остро не достает? – загадал нехитрую загадку Измайлов.

– Меня, конечно, – бодро ответила я и подумала об окончании домашнего ареста.

Вик вскинул густые, срастающиеся на переносице брови, взбил пышную с проседью шевелюру и смущено пробормотал:

– Юрьева с Балковым.

Я приняла посильное участие во взлохмачивании Измайлова, выбирая сочувственные жесты. Капитаны были загнаны в командировку в Тмутаракань. А кроме них никто не понимал приказов полковника с полувздоха. Но сыскарей и без Бориса с Сергеем хватало. Вряд ли ребята предотвратили бы провал, признаваться в котором надо было со дня на день. Подобного рода провалы есть крайняя несправедливость. Тертые, волевые, в основном честные мужики пахали день и ночь, а бросивший им вызов подонок-выдумщик оставался недосягаем. То, что он переиграл всех, было ясно даже мне. Но в отличие от полковника Измайлова меня генералы на доклад не тягали, безработицей не грозили и по телефону не оскорбляли. Я уверена, в неподъемных папках любого висяка подшиты показания двух людей, разнящиеся двумя словами. И в этой разнице – решение неразрешимой задачи. Только, чем пухлее «дело», тем нереальнее обратить на нее внимание. Впрочем, я не специалист, теоретизировать не буду.

Но несуразное заказное убийство получалось. Данила не банкир со сворой телохранителей. А убивать его приезжает бригада из четырех человек – двое в подъезде, один во дворе и один за рулем «москвича». Пусть парняги на лестнице шуметь не стали и сообщили по сотовому или рации, что пьяный в дугу визитер Данилы их видел. Ребята внизу Федора приняли, прокатили двести метров до глухого двора, по дороге стукнув по башке. Пусть бросили в машине, полагая, что он не скоро очухается, а, очухавшись, вряд ли много вспомнит. Однако его содействия расследованию исключить было нельзя. Федор мастерски составил фотороботы трех непохожих друг на друга лиц, (шофера не запомнил). Неужели преступники загримировались и поэтому так нагтели? И, если загримировались, зачем было трогать Федора?

Дальше. С чего бы это киллерам, имеющим ключи от квартиры Аровых, торчать в подъезде и смолить? Ладно, перед посещением огляделись, выдержали паузу, в которую по случаю и вписался Пансков. Он чуть дверь не разнес. Данила же не подал признаков жизни. Почему они не заподозрили, что он отлучился? Ведь рисковали, вламываясь в отсутствие хозяина, задействовать сигнализацию.

– погоди, детка, – прервал мои разглагольствования настороженный Измайлов. – Ты думаешь, они стояли на стреме, а убийца был в квартире и покончил с Аровым до дебоша Панскова?

– Я ничего не успела подумать, я рассуждала.

– Сильно сказано, – рассмеялся полковник. – Продолжай, не снижая темпа и накала, доставь удовольствие.

– Сам напросился, Вик. Если ты прав, то дежурные по лестничной площадке должны были предупредить убивавшую Данилу сволочь о возвращении, к примеру, Ольги. Задержать ее по возможности, хоть ограбление инсценировать, хоть изнасилование. В четыре часа? Абсурд. Я согласна, им было известно, что Данила чужого уже не впустит – он мертв, а у Ольги свои ключи.

– Ну и? – заторопил меня Вик, который наверняка сто раз об этом сам передумал и теперь лишь на слух проверял, не упустил ли какой мелочи.

– Ну и я пас.

– Поленька, почему бы ни ухлопать Арова классически? На улице, в подъезде? Выдвинь безумное предположение.

– Может, хотели что-то забрать из квартиры? Может, он на следующий день собирался им каким-то образом насолить, и они поздно узнали об опасных его намерениях? Сон ему снился про противостояние бандитам.

– Сейчас всей стране такие сны снятся. В его ежедневнике на остаток недели намечен расслабон, а не вендетта. Но ты права, народу в громком убийстве задействовано с лихвой. Потрясу-ка я Панскова.

Потряс. И ничего нового не вытряс. Разве что Федор с улыбкой запутавшегося школьника заявил, будто у него пропали несколько тысяч рублей, но он смолчал, полагая, что всем не до него. Однако Пансков их и потерять мог. И супостаты из «москвича» могли наградить себя его деньгами за несправедные труды. Нет, не то заявление сделал Федор Пансков.

6.

На похороны Данилы Арова Измайлов меня из домашнего плена отпустил. Приставил юркого низкорослого типа и велел глазами его не искать.

– Прикажешь отбивать этого недомерка в случае опасности или оставить на растерзание злодеям?

– Недомерок десятка атлетов стоит, – посулил полковник. – Не дай Бог убедиться.

– А, каратист, – протянула я.

– Почему так разочарованно? – засмеялся Измайлов. – Насмотрелась боевиков, и уже кажется, будто боевые искусства не есть искусства? Даже на кулаках драться надо уметь.

При других обстоятельствах я бы заинтересовалась этой темой.

Все-таки люди на похоронах скорбеть-то скорбят, но и своего не упускают. Рядом с Ольгой, жутко вымолвить, вдовой Данилы Арова, почти неотлучно находилась интересная троица. Импозантный плотный мужчина – Матвей Косицын – и две потрясающе выхоленные дамы – Наталья Косицына, его жена, кажется, четвертая по счету, и таинственная блондинка в короткой траурной вуали. К ней и кинулась после выноса гроба с телом Данилы из церкви заплаканная атлетического сложения женщина с восклицанием:

– Юлечка! Фадеева! Вы меня узнаете?

– Да. Но сейчас не время и не место, – тихо сказала Юлечка.

Она чуть дрогнула узкими губами, а у оказавшихся поблизости сложилось впечатление, будто презрительно скривилась и дала бесстыжей бабе пинка под зад.

– Ага, как побрякушки свои мне впаривать за немереные бабки, так сама любезность. А как поздороваться на людях, так «не время и не место», – прошипела удалая тетка и поймала за рукав еще кого-то, вероятно впаривающего ей за немереные бабки нечто посолиднее побрякушек.

Не могу описать панихиду и церемонию похорон, прощальные речи и поминки. Потому что плохо соображала и мало запомнила. Погружалась в воспоминания о мелочах, которые не возникали много-много лет, выныривала и почему-то обязательно подмечала какую-нибудь мерзкую деталь в человеческом поведении вроде столкновения Юлии Фадеевой с женщиной-качком. Все мне казались самовлюбленными, красующимися перед камерами, неискренними. И только уходя от могилы в толпе последних зрителей Данилы Арова, я сообразила, что искренне скорбящих просто-напросто не было заметно – для них никого вокруг не существовало, и окружающие платили взаимностью.

Поздно вечером полковник Измайлов гладил меня по спине и бубнил о «культуре горя», как части общей культуры. О том, что похороны – это не соревнование по громкости и продолжительности рыданий, что я напрасно придираюсь к людям.

– Твоя правда, Вик. Когда Ольге становилось совсем невмоготу, у нее за плечом на минуту возникали Юля Фадеева и Наташа Косицына. Возьмут за локоть, пошепчут на ухо и снова отдалятся. В них чувствовалось нечто общее. Культура?

– Вероятно.

– Но откуда? Они очень молоды. Это врожденное качество – горевать достойно?

– Постарайся заснуть, детка.

Заснуть... Сон... Толпа, тупо глядящая во тьму... Данила, обреченный, но, тем не менее, крикнувший подлецам: «Прекратите»!.. Гнусные рожи бандюг... Разноцветнорылый тип...

Синяки в развитии... Человека, который просипел: «Ты замазан, попробуй, докажи свою непричастность к нашим делам», регулярно бьют по лицу...

– Я думала в той среде метят исключительно в солнечное сплетение... Чушь какая, – прошептала я.

– Не такая уж и чушь, – сонно откликнулся Измайлов.

– Ты о чем, Вик? Вик!

Легкий уютный всхрап был мне ответом. Полковник умаялся до предела.

Утром он ушел из дома ни свет, ни заря. Я послонялась от стены к стене. Попробовала читать – не вышло. Попыталась писать – не получилось. Поревела. Выкурила сигарету. И вдруг у меня засосало под ложечкой. Что прежде всего пришло мне в голову, когда я выслушала Данилу? «Гранул из мухоморов переел»? Точно! С год назад Данила тоже мне звонил, чтобы позабавить анекдотической семейной историей. К ним пришли гости, Ольга достала водку, поставила закуски. Хозяин откупорил свою неизменную минералку. Кто-то из мужчин, вероятно, не имевший представления о принципиальной приверженности Данилы абсолютной трезвости, недоуменно пожал плечами. Тут Ольга подала Даниле на ладони три крохотные белые гранулы:

– Твой сегодняшний допинг, дорогой.

Он поинтересовался их составом.

– Гомеопатическое средство с мухоморами. Прелесть, как оздоравливает. Только для избранных.

Данила положил невесомые шарики под язык и добросовестно иссосал. Когда все, кроме него, выбрались в кухню глотать сигаретный дым, Ольга что-то возбуждено и долго рассказывала о ядовитых грибах.

Данила, помнится, вещал по телефону:

– Поля, солнышко, некоторые чудачки мухоморами лечатся. Непостижимо. Ну нет у природы ничего лишнего. Олюня сама передо мной рискнула принять: она всегда фармацевтические новшества на себе проверяет. Но мы прилива энергии не испытали, поэтому более поганками не питаемся.

Меня тогда царапнуло по душе то, что Ольга всучила Даниле гранулы при малознакомых людях. Будто он болен. Потом я решила – изощренная форма выпендрежа. Наверное, нынче модно травиться, вот и показала, не хвастаясь открыто, мол, у нас тоже есть.

Я придумала единственное объяснение кошмарного сновидения Данилы. Ольга снова заставила его «оздоравливаться» отравой, и у бедняги возник бред преследования. Что еще может возникнуть от мухоморов? Померещилось же ему, будто меня подкупили, дабы его проверить. Гомеопатия – это хорошо, но все-таки спорно. И хотя речь всегда идет о микродозах, вдруг они по-разному действуют на ученых, скажем, и артистов? На просто артистов и знаменитых артистов? Преисполнившаяся решимости разобраться с пагубным воздействием чудодейственного средства на нежный организм Данилы Арова, я схватила за телефон. Через пять минут, после консультации с подругой, успешной докторицей

Настасьей ноги меня не держали.

– Поля, мухоморы в гомеопатических дозах используют при алкогольном делирии, то есть белой горячке. Ими снимают последствия злоупотребления алкоголем в период воздержания от спиртного. Они сводят на нет, а не вызывают галлюцинации. Три гранулы – самое то, грамотно рекомендовано. И потом, ты человек неопытный, но и скупо описанный тобой сон Арова очень смахивает на запойный кошмар. Когда пациент или резко уменьшил дозу алкоголя, или совсем от него отказался после упорных возлияний, такое бывает.

– И с нами будет?

– Начнем ужираться без отдыха, обязательно, – засмеялась Настасья. – Не нравишься ты мне своими вопросами. Лучше бы витаминами интересовалась, март на дворе.

– Настасья, ты что-то путаешь с мухоморами.

– Обижаешь. С гомеопатией я на ты, как с тобой. Только в отличие от тебя она гарантирует эффект плацебо, – не упустила случая повоспитывать меня подруга. Видимо, антиалкогольного призыва и рекомендации есть витамины показалось ей недостаточно.

Мне стало впору переходить на ты с неврозом. Почему это с гомеопатией можно, а с ним нет? Но Настасья меня лишь пристукнула. Добил Виктор Николаевич Измайлов, причем по редкому варианту «шутя – любя». После ужина он побряхтывал, мялся и, наконец, попросил рассказать ему о скрытой рекламе ликероводочных изделий.

– Избитая тема, Вик. Всем давным-давно все ясно.

– Это в интеллигентных кругах, – возразил полковник. – Народ, как не уразумел ничего, так и не уразумет.

– Но ты-то образованием и интеллектом не обижен.

– И, тем не менее, Поленька.

Благодаря Настасье я была готова к чему-то подобному. И безропотно уважила полковника. Данила часто служил великолепным фоном для бутылок, на которых четко читалось название водки, всегда одно и то же. А в последней передаче, когда дали сюжет про артистов в «неформальной обстановке», то есть в кабаке, я была поражена и расстроена. Хотела позвонить Даниле и высказаться, но, слегка остыв, решила его не терзать. Изменить он что-нибудь вряд ли бы смог, а психовать без толку ему вредно. Прделано же было следующее: Аров повернулся к собеседнику и увлеченно с ним заспорил. Тем временем сзади подошел официант и налил означенную водку ему не в рюмку, а в фужер. Данила взял фужер и с довольным видом, не морщась, осушил его.

– Он часто мелькал по телевизору в кадрах междусобойчиков с гастрономическим уклоном, – потупился Измайлов.

– Вик, Данила был компанейским парнем. Пойми, у него не было проблем с алкоголем, он не кодировался, не вшивался, не давал зарокков Богу. Он просто никогда не пил. Все были в курсе, что он не станет ни мешать, ни осуждать. А когда народ окосеет, уйдет, – попыталась я хотя бы оттянуть неизбежные разоблачения.

– Мы взяли записи последних передач с его участием. Надеялись познакомиться поближе, что ли. Я забыл про твой бред и видел только коробки конфет крупным планом. И вдруг наш молодой сотрудник говорит: «Братцы, Аров предпочитает новую водяру, надо бы попробовать». Причем по мне так Аров и за бутылку ни разу не взялся. А человек отреагировал. Тут я очнулся и понял, что ты меня дезинформировала. Как же так, детка? Ты мне все уши прожужжала о воинствующей непорочности своего Данилы. А он вел здоровый образ жизни и за черный нал рекламировал водку? Ты же сама называла именно таких моральными уродами.

– Не надо, Вик. Сама себе не верю, но он был запойным пьяницей.

Я передала Измайлову результаты своих «мухоморных» изысканий. И немного размяк пресловутый ком в горле. Данила не был моральным уродом. Он не выдержал бесперебойных предложений тяпнуть, хряпнуть, вмазать, обмыть. Как все непьющие, быстро втянулся. Боролся, гомеопатические препараты сосал...

– И тебе, подруге детства, не открылся? Извини, если сделал больно.

– Не страшно, Вик. К боли я, кажется, привыкла. Да, не открылся. Потому что артист – всегда артист. Со мной он был в образе прежнего Данилы. А, может, пытался открыться? То про мухоморы заикнется, то про опасность. Вик, послушай, это же коммерческая деятельность, это же мотив! Предположим, другой актер разнюхал способ легкого заработка, позавидовал, нанял убийцу. Следи, кто следующий будет красоваться на фоне тех бутылок. И выследишь заказчика.

– Шальная версия, – усмехнулся Измайлов. – Даже, если ты не нафантазировала, даже, если некий владелец завода платит телевизионщикам за такую раскрутку своей продукции,

даже, если конкуренция среди звезд настолько серьезна, что допускает физическое устранение, доказать ничего не удастся. И останется Аров неотомщенным. Подвела парня профессия: то пьяного играл, то трезвого. Доигрался. Ладно, мы продолжим отрабатывать менее экзотические версии.

Жестокие и правильные слова Измайлова вызвали во мне протест. Огорошить бы его колкостью, разораться из-за неснятых в прихожей ботинок. На улице снег, грязи нет, но это не повод волочься в уличной обуви в комнату. Конечно, не сам пол моет. Но вместо яростного упрека из меня вдруг, словно остатки зубной пасты из опустевшего тюбика, выдавилась робкая просьба:

– Позволь, барин, по магазинам пошататься. Мочи нет. Обещаю из нашего квартала не сбегать.

– Не поздно?

– Сейчас раньше девяти не закрывают.

– Иди. Деньги возьми.

– У меня есть. От рекламы, будь она неладна. Губную помаду публике представила.

Измайлов ничего не делает зря. Не разулся, значит, предполагал, что я буду рваться проветриться. Мне удалось «засечь» его сзади лишь однажды. И то, потому что знала – охраняет.

7.

Денег в кошельке хватало только на ерунду. Во взвинченном состоянии я предпочитаю оставлять их дома, ибо не раз на такое тратила, что после сомневалась в собственной вменяемости. Тем не менее, я задалась целью купить ерунду пооригинальнее. Мне необходимо было отвлечься: кочевать от прилавка к прилавку, высматривать нечто, просить показать поближе, выискивать в вещице изъяны и начинать сначала в другом месте. Надо было добиться того, чтобы в мыслях остались только сувениры, сувениры, сувениры... На возникновение охотничьего азарта я, разумеется, не рассчитывала, но в третьем магазине втянулась. И выбор совершился сам собой – украшения. Они были мелкими, причудливыми и, как нельзя лучше, подходили для длительного и пристального, на грани медитации, разглядывания.

Мне никогда прежде не доводилось перебирать такое количество дешевки из стекла, пластмассы, металла. В последней полуподвальной лавочке были заметны претензии хозяина или хозяйки на вкус. В кучках хлама там попадались милые побрякушки. Одну – синий кожаный колокольчик в латунной спирали с изумительным расположением витков – как раз вертела в коротких пальцах симпатичная, но заносчивая девушка.

– Авторская вещь, – заливалась продавщица, – второй такой ни на ком не увидите.

– Авторские в салонах по соответствующим ценам, – парировала покупательница, не уточняя, каким образом ее, шикарную и искушенную, занесло в сей убогий магазинишко.

Судьба сделала мне подарок. Пока Измайлов не выпускал меня из дому, в городе появились умные продавцы.

– Художники не сразу приобретают известность, а то и славу, – спокойно заговорила приятная женщина переходного, правда непонятно из какого в какой, возраста. – Но это не умаляет их таланта. Я бы в вашем положении фамилию автора спрашивала. Вдруг когда-нибудь станете обладательницей произведения искусства, сотворенного гением в голодной молодости. Вы уничижительно отозвались о кулоне, а он из прежних запасов. Теперь в украшениях от этого дизайнера щеголяют не последние дамы.

Произнося это, продавщица слегка покачивала кулон. Казалось, спираль причудливо разворачивалась, а колокольчик расцветал.

– Чего только не напоете, лишь бы продать, – не сдалась пессимистка. – Возьму его, убедили.

«Последний штрих, – молила я провидение. – Пусть эта умница пошлет хамоватую покупательницу на три буквы, пусть не захочет продавать эту вещь бабе, которая не может ее оценить. Или оценила, но издевается, что еще хуже». Но продавщица приняла некрупную купюру, упаковала колокольчик и пригласила:

– Приходите еще. Спасибо за покупку.

Тут у меня в мозгах заискрило. Я рывком подступила к прилавку и едва не вызвавшим судороги у продавщицы голосом спросила:

– Сколько украшений от того же автора у вас завалилось?

– Четыре подвески, – просипела она.

– От Юлии Фадеевой?

– От нее. Но я предыдущую девушку не обманывала. Просто так получилось...

Я... Она...

– Да вы ее облагодетельствовали, успокойтесь. На самом же деле все колокольчики абсолютно одинаковые – материал, цвет, форма? Заверните мне их.

– Четыре?

– Если еще что-нибудь от Фадеевой есть, давайте хоть десять.

Она назвала сумму. Я могла расплатиться за две с половиной подвески. Выскочила на улицу и зычно позвала:

– Вик! Не прячься! Мне нужны деньги.

Он материализовался из мартовских сумерек, спустился по крутым ступеням и молча отдал бумажник. Я расплатилась.

– Зачем тебе столько кулонов? – удивился Измайлов.

– Могилку обвешаю, – сказала я, не ощущая слез на горящих щеках.

– Потерял форму, – сокрушался полковник, едва поспевая за мной. – Некудышним сделался конспиратором. А все кабинет виноват. Да не лети ты так в гололед, Поленька. Стоило сидеть взаперти, чтобы при первом выходе на улицу сломать себе шею.

– Милый, форму ты не потерял. Просто я верю в твою любовь. Звучит, будто не из устной речи, но факт. Стоило держать меня взаперти, чтобы вечером выдворить без сопровождения на свежий воздух. Расследование-то в разгаре, насколько я понимаю. Я чувствовала – ты рядом. Ты ведь тоже чувствуешь, когда я к подъезду приближаюсь. Не раз дверь открывал, хотя в окно меня не видел.

Вик повеселел. Дома он отмочил меня в горячей ванне, напоил чаем с лимоном, не задавая вопросов. То ли полагал, что я впала в истерику от перенапряжения. То ли был доволен моим выступлением на тему нашей любви и не хотел разочаровываться, слушая очередные глупости на другие темы.

– Фамилия производителя водки, которую, якобы, рекламировал Данила, Фадеев? – инициативно любопытствовала я.

– Да. Откуда тебе известно? Я учел твои домыслы насчет актерской конкуренции и дал задание собрать, что можно, о производителе товара. Подчиненные сочли меня сумасбродом, так же, как давеча я тебя.

– Но собрали? Ой, извини, у вас ведь попробуй не выполни приказ. Знаешь, в сериалах взаимоотношения старших и младших по званию всегда такие теплые, дружеские. У нас с нашими гражданскими начальниками жестче. «Я начальник – ты дурак», это ведь не про командира.

– Поля, а, Поля, ты к чему клонишь?

– Да ни к чему. Просто разминаюсь пред тем, как рассказать тебе повесть. Тошнотворную. Отвратительную.

– Судя по эпитетам, в конце ее ты назовешь убийцу, – неодобрительно пробурчал Измайлов. – И все для того, чтобы оправдать перед самой собой странную покупку одинаковых укра-

шений. Поленька, не мучайся, оставишь себе одно, а остальные на подарки разойдутся. У тебя полгорода знакомых.

Полковник боролся за спокойный вечер до последнего. Но все-таки услышал от меня:

– Я назову тебе убийцу, Вик. И, дай мне Бог, завтра никого не придушить этими подвесками.

Данила Аров был одаренным, компанейским, везучим человеком. И еще надежным. Ему смело подставляли спины и затылки. Он давал и не требовал обратно. Он брал и возвращал сторицей. Он был искренен в симпатии к людям, потому что не осознавал, что настоящие подонки существуют взаправду. Актер до мозга костей, Данила воображал, будто человек играет злодея. И чем лучше тому удавалась роль, тем громче Аров аплодировал. Злодеи терялись. До последнего времени.

Как большинству щедрых людей, Даниле не дано было сказочно разбогатеть. Но и нищенствовать тоже. Деньги «живут» по общим принципам: приходят к тем, кто их либо боготворит, либо легко отпускает на волю. Ольга действительно оказалась умной не по возрасту, коли, поняла это. И принялась искать источник доходов самостоятельно. Начинаящая художница Юлия почти одновременно с ней вышла замуж за бизнесмена Фадеева. Надеялась, он будет оплачивать ее творческие проекты. Не на того напала, копейки лишней на карманные расходы не предложил. Наталья и Матвей Косицины тоже искали дойную корову: у Матвея была возможность организовать скрытую рекламу, но вышеозначенные парнокопытные стадами за ним не бегали, предпочитая дояров рангом повыше. Кому из четырех друзей Ольге, Юлии, Наталье или Матвею – принадлежала идея доить потенциального водочного короля Фадеева, вряд ли важно. Когда он создал свою фирменную водку, его ненавязчиво посвятили в тонкости. Дескать, если зритель видит продукт рядом с популярным актером... Неглупый и оборотистый Фадеев оценил не столько замысел (о скрытой рекламе он прекрасно знал), сколько скромную по сравнению с общепринятой таксу. И так, денежный мешок был, распорядитель соответствующим видеоматериалом был, кумир – Данила Аров – был. Но он никогда не пробовал водки. И, самое печальное для предприимчивой компании, не собирался ни за какие коврижки, хоть долларами их назови, хоть евро. Возникшее обстоятельство таило и плюсы, и минусы. С одной стороны, с Данилой не нужно было делиться гонорарами от Фадеева. С другой, приходилось его объегоривать – хлопотно.

Дебют Арова в качестве рекламной модели пошла состоялся у него же дома.

Ему прилюдно скормили три гранулы мухоморов от белой горячки, а после в кухне Ольга продемонстрировала шкаф, забитый час назад пустыми бутылками из-под вылитого в унитаз фадеевского «шедевра вкуса». Объяснила, дескать, Данила перебрал, входя в образ, и теперь приводит себя в порядок гомеопатическими средствами. Он в восторге, вон, сколько выдул, а уж водочки попил разной, они артисты такие, но говорить с ним об этом не стоит. Стесняется. Фадеев отхохотался и ограничился покровительственным похлопыванием стеснительного почитателя своей продукции по плечу. Ольга занялась мужем. Она внимательно следила за здоровьем Данилы и не горела желанием пичкать его лишними лекарствами. Поэтому заявила, что эффект от хваленых гранул с мухоморами нулевой. И они сразу перестали, как сказал мне Аров, «питаться поганками».

Дальше пошло – поехало. Матвей умело задействовал низменное в человеческой натуре – нежелание верить, будто кто-то способен добровольно не прикладываться к рюмке. Задумывал режиссер показать гуляющую богему, всего пару минут, Матвей умел подсутиться. Выбирал завистника, совал бутылку и советовал поставить рядом с Данилой. Он, мол, втихаря употребляет литрами, а тут ни-ни, так пусть покорчится. Фадеев не скупился, и изобретательность Матвея границ не имела. Чего стоил трюк с водкой в фужере. Производитель в пляс пустился, когда ему показали кассету. А Даниле из поллитровой водочной бутылки налили минеральной

без газа. Официанта он не видел, взял свою посуду и принялся прихлебывать. Смотрелось же так, словно парень лакает сорокоградусную с блаженной мордой.

Однако Матвей перестарался. Данила стал замечать, что на артистических тусовках ему снова предлагают выпить. Вроде давно привыкли к его собственному сухому закону, не лезли со стаканами и тостами. И вдруг, как прорвало – один, второй, третий. Ведь и Федор Пансков не обращал внимания на мои уговоры не показываться Даниле косым. Он был убежден, что Аров поломается для вида, а потом поедет пьянствовать на дачу.

Данила навел справки. Данила докопался до истины – не слишком глубоко ее друзья зарыли. И собрался рассказать о результатах раскопок Фадееву. А тот уже требовал, чтобы Аров на экране не соседствовал с его водкой, а глотал ее – понравилось с фужером. Допустить скандала было нельзя. Матвей Косицын терял друга, но был ли таковым он сам, втемную используя Данилу. А вот Юлия и Ольга рисковали остаться без мужей. Когда Ольга сообразила, что «развод и девичья фамилия» в любом случае неизбежны, потому что таких фокусов Аров не прощал, она предпочла остаться без знаменитого супруга, но с его квартирой, дачей, двумя машинами и деньгами. Ольга тряслась от страха в офисе Матвея, а тот в это время убивал с ее согласия Данилу. Не ненавистного, постылого, предавшего друга и мужа умертвили, а любимого и любящего. Косицын выстрелил скорее всего в голову, а потом, удобно прицелившись, в сердце. Получилось, что наняли профессионала. Курящие в подъезде парни отношения к убийству не имели, парочка в красном «москвиче» тоже. Обчистили пьяного Федора в угнанной машине, которую бросили в укромной дворе вместе с оглушенной жертвой...

– Ты свихнулась, да? – мягко спросил Измайлов. – Давай я твою Настасью вызову. Она примчится.

– Я мечтаю свихнуться, Вик. Но факты...

– Какие факты? – зарычал полковник, будучи явно не в силах беседовать со мной по-человечески. – Вымысел, мрачный, болезненный, не слишком красивый вымысел!

– Вик, милый, та прилипчивая женщина на похоронах ворчала вслед Юлии: «Как побрякушки свои мне впаривать, так сама любезность. А как поздороваться при всех, так «не время и не место». Продавщица в лавке говорила, что дизайнер преуспевает, и более не сдает украшения по дешевке в маленькие магазинчики. Но у нее завалилось пять одинаковых подвесок – одну девица отхватила, четыре я. Значит, халтурила барышня на полную катушку ради заработка и не слишком давно. Тогда во мне снова возникло имя – Юлия Фадеева. И продавщица подтвердила – ее работа. А вслед за именем – картинка: Ольга, Наталья, Юлия на кладбище и после. Я тебе сказала, было в них нечто общее. Мы подумали, что культура горя. Не она, полковник. На каждой болтались висюльки из черной кожи и черного бисера. И еще много браслетов на запястьях.

– Признаю, авторство Фадеевой в смысле украшений ты вычислила превосходно, – бросил Измайлов.

– Не лсти, бесполезно. Во сне мужик с изуродованной рожей бросил в Данилу «связку небезынтересных в художественном плане кулонов на тонких кожаных шнурах». Кожаный кулонов, Вик. Я еще тогда отметила нестандартный выбор бандита. Но решила, что у Данилы дыхание прерывалось, отсюда и шнуры. А он про Фадеева говорил, то есть про Юлию, но все равно про Фадеева. Проверь мою шальную версию, милый. Оклеветанным Данилой Аровым заклинаю, проверь.

Не любивший заклинаний Измайлов поморщился. Помолчал с минуту. И неохотно произнес:

– Его убийство обещает остаться нераскрытым. Нам не за что зацепиться. Проверю, детка, только, пожалуйста, не плачь. Думай обо мне как угодно плохо, но я с трудом выношу твои слезы по другому мужчине.

– Я уже ни о ком никак не могу думать, Вик. Сделай так, чтобы я по тебе слез не лила. Ладно?

8.

Виктор Николаевич Измайлов сдержал слово. Правда, потом злые языки называли его скрытным индивидуалистом. Гонял людей «по заказухе», а сам отработывал версию убийцы-одиночки. Однако, стоило Вику перевернуть ситуацию, когда Матвей Косицын призван был не подтвердить присутствие Ольги у себя в офисе, а доказать собственное алиби, как нашлись свидетели, видевшие его после четырех у дома Арова. Дальше была обычная полицейская рутина, и захватывающими подробностями она не изобиловала.

Я стояла возле заваленной цветами могилы Данилы. Поклонники его не забывали. Он ласково улыбался с огромной фотографии. Четыре кожаные подвески упали на пушистые белые гвоздики.

– Тебе действительно приснился вещий сон, Данилушка, – сказала я.

И пошла прочь, в шум и гам полуденного города.

Я не перегружала чуткого Андрея лишними сведениями, к примеру, об отношениях с полковником Виктором Николаевичем Измайловым. Приспичит отколоть исповедальный номер, зрительницей и слушательницей будет мама. Или Настасья. Сказала только, что нашла возможность поделиться своими соображениями с полицией. Это меня и погубило. Ибо, немного погодя, оказалось, что Андрей по наивности, всегда сопутствующей сложности душевной, решил, будто я самостоятельно способна разобраться в любой тайне. А почему нет? Без упоминания полковника выходило, что я умозрительно разгадала загадку гибели Данилы Арова за одну бессонную ночь, покуривая, попивая зеленый чай и слушая Шумана. При иных обстоятельствах я, кровь из носу, выяснила бы, с чего он взял, что музыка была и именно Шуман. И какие его произведения, по мнению Андрея, подходили для сопровождения моих невеселых раздумий. Тогда же мне сразу стало не до заскоков гения. Признаться в связи с Измайловым было поздно. Подобными признаниями задним числом пилюли отказа в дружеской поддержке не сластят. Однако я забежала вперед.

Не обмолвившись о полковнике, в остальном я душой не кривила. С Андреем было хорошо: довольно длинные отступления – описания моих внутренних терзаний – он воспринимал с таким же интересом, как и соображения по поводу преступления. А не подавлял зевоту, подобно многим, когда меня относил от Данилы в сторону самой себя. Только к концу повествования он замкнулся, словно дверь закрыл на крючок, замок, цепочку и засов. Я выложила все, замолчала и минут семь пялилась на Андрея, который, варварски расправившись с печеньем, невидящим взглядом смотрел на дело рук своих. Я даже засомневалась, слышал ли он заключительные фразы. Наконец, Андрей поднял лицо. По тщательно выбритым впалым щекам музыканта вольно текли слезы. Я всегда симатизировала артистам за их умение плакать без водки и не стыдиться себя после. Они ранимы. Причем полученные раны никогда не заживают, стимулируя самовыражение постоянной болью. От слишком глубоких и болезненных они гибнут. Беда в том, что иногда смертельной оказывается в общепринятом смысле короткая царапина. Так стандартно я представляла себе творческих личностей в тот мартовский день. Я во многом ошибалась. Они гораздо сильнее и жизнеспособнее, чем принято думать. Оказывается, у них есть свои механизмы максимальной мобилизации сил для самозащиты. Но, сидя рядом с беззвучно оплакивающим Данилу Андреем, мне в голову не приходило, каким странным образом придется в этом удостовериться.

Итак, Андрей поднял мокрое лицо и предложил:

– Поля, не станем ничего обсуждать, ладно? Ты не обидишься? Столько говорила, наверное, ждешь вопросов.

«Забавно, – подумала я. — Всегда полагала, что люди долго и подробно говорят для того, чтобы исчерпать тему, а не для того, чтобы открыть дискуссию». Вслух же искренне уверила:

– Буду только благодарна. Тебе еще предстоит втиснуть в душу то, что я в свою с грехом пополам пристроила и беречь не хочу.

– Значит, Ольга дрожала в кабинете друга и убийцы, пока он приканчивал не ненавистного и постылого, но любимого и любящего, – пробормотал Андрей. И замотал крупной гривастой головой: – Нет, не хочу, не могу, не надо, пожалуйста...

Кого он просил отключить воображение? Бога? Себя самого? В любом случае отклик на просьбу последовал скоро. Слезы иссякли и высохли. Андрей опустил глаза в поисках чашки, и правильные черты его искажил неподдельный ужас. В кино такое выражение возникает при виде трупа того, с кем герой собирался быть счастливым в течение ближайших ста лет. Я заерзала: еще один мистик. В кофе чертовщина померещилась? Надо срочно сказать потрясенному человеку, что это блики играют. В темно-коричневой глади отражения бывают причудливыми.

– Поля, прости великодушно, – простонал Андрей. – Как же я насвинячил с печеньем! Господи, всю коробку извел! Сейчас сбегаю куплю.

Я засмеялась. Андрей дико на меня посмотрел, но я не поперхнулась. Хохот щекотал мне гортань и неудержимо рвался наружу. Так он переживал из-за поломанного печенья? Всего лишь? А я-то собралась его от кошмарных глюков заговаривать.

Однако опыт общения с друзьями Андреевой породы даром не проходит. Эти ребята способны месяцами по-настоящему страдать от того, чего мы вообще не заметили. И чем быстрее доказываешь им, что все в порядке, тем отчаяннее они в этом сомневаются. Поэтому я неторопливо встала, взяла со стеллажа тетрадь с кулинарными рецептами, открыла на нужной странице, мысленно нахваливая себя за склонность к собиранию описаний еды, которую никогда не буду готовить, и протянула Андрею.

– Что мне с ней делать? – опасно спросил он.

Вероятно, назначил себя заслуживающим кары за осквернение продукта питания в мире, где столько голодающих, но моими изощрениями был озадачен.

– Читай, – строго потребовала я.

– Рулет из крошеного готового печенья, – послушно сложил буквы в слова Андрей упавшим голосом. – Что это означает, Поля?

Я невольно вздохнула, прежде чем ответить:

– Это означает – огромное тебе спасибо. Если бы я сумела принудить себя к мучительному измельчению вручную, печенье еще неделю назад превратилось бы в рулет. Лично я люблю мягкие кондитерские изделия.

– Правда? – доверчиво спросил Андрей. – Значит, я случайно помог? Честно?

– Правда. Честно-пречестно.

– Поля, мне необходимо с тобой посоветоваться, – вдруг непринужденно сообщил Андрей, будто секунду назад зашел с улицы.

Да, спятить с творцами – раз плюнуть.

– Андрей, идем снова в кухню. Я займусь рулетом, его печь не надо. Ты будешь излагать проблему. Нормальный расклад, или предпочитаешь, чтобы я сидела напротив и, замерев, смотрела тебе в рот? В глаза? В переносицу? Я тороплюсь превратить крошки в нечто целое, а то ты постоянно на них поглядываешь и, прости за наблюдательность, краснееешь.

– Никак не могу разучиться.

– И не надо. Так сменим место действия?

– Сменим, – легко согласился Андрей. – Может, это меня подтолкнет. Ума не приложу, с чего начать.

– Все, поднялись. Принеси, пожалуйста, из «солдатика» глубокую зеленую миску. На средней полке. Загрузим подготовленное сырье.

Как на всех людей, привыкших к физическим нагрузкам, а многочасовая игра на фортепиано, несомненно, таковой является, на Андрея благотворно сказался призыв пошевелиться. Просьба растереть масло с сахаром почти привела его в чувство. Процесс растирания оживил окончательно. Воистину кисти рук музыкантов как-то по-особому связаны с мозгом. Через пять минут совместного труда Андрей настолько освоился и увлекся, что мне оставалось лишь командовать и отвечать на его вопросы вроде: «На мелкой терке шоколад тереть? Орехи в пыль молот? А, может, порубить? Или тогда текстура изменится»? Создавалось впечатление, будто по поводу приготовления рулета он и собирался со мной советоваться.

Когда завернутое в пергамент лакомство водрузили на верхнюю полку холодильника, вид у господина кулинара был торжественный и довольный. Он действительно все сделал сам. Я, будучи на подхвате, успевала сразу же мыть освобождающиеся емкости, поэтому в кухне мы не задержались. Помечтали, как отведаем рулета через часок, когда застынет, прикинули, не засунуть ли его в морозильник, не выставить ли на балкон для ускорения процесса, решили не нарушать законов взаимопроникновения ингредиентов и смешивания запахов, после чего сварили свежего кофе и вновь перебрались в комнату. Я тоже пришла в благодушное настроение. Поднесла к губам чашку, осторожно втянула ароматную жидкость. Сейчас глоток, и тепло рванет по телу к озябшей душе...

– Поля, меня шантажируют, мне угрожают, я теряю рассудок от страха, – членораздельно произнес Андрей, но мне показалось – ослышалась.

Кофе мигом провалился в утробу, вкуса я не почувствовала.

С угрозами и страхом ясно: мир полнится психами, которые приобщаются к искусству и славе, измываясь над знаменитостями. Как водится, особенно усердствуют весной и осенью. Но Андрей упомянул шантаж, а это уже серьезно. Во-первых, шантажисты народ сплошь трезвый и безжалостный, у них сезонных обострений не бывает. Во-вторых, шантажируют чем-то, и, коли Андрей боится до умопомрачения, значит, не о нарушении правил дорожного движения речь. Но каких дров мог наломать одареннейший, порядочнейший, милейший музыкант, если ими собирались раскочегаривать для него адский котел?

– С налогами схимичил? Не задекларировал что-нибудь? – спросила я, слабо надеясь на банальный приступ мнительности, на склонность артистов делать из мухи слона.

– Меня убеждают, будто убил.

Фу, отлегло от сердца. Это точно не про Андрея. Он на моих глазах извинился перед дворнягой, которую случайно задел сумкой. И я легкомысленно полюбопытствовала:

– Соседскую кошку, которую вместо того, чтобы накормить контрасексом, еженощно выгоняли под твою дверь? Не изводись. Я читала про молодого папашу. Он после трех суток бессонницы выхватил из колыбели голосящего грудничка, вышвырнул в окно, захлопнул его и только потом сообразил, что натворил.

– Так ты в курсе? Просто издалека начала? – вздрогнул Андрей.

– В курсе чего?

– Откуда тебе это известно? – отказывался слышать меня Андрей. – Я понимаю, ты сказала про беззащитное дитя из такта, чтобы подготовить меня.

– Я не из такта, а из собственной хронической дурости. Но, кажется, начинаю въезжать. Кого ты спустил на землю, минуя лестницу? С какого этажа? И как давно?

– Женщину, – наконец, адекватно ответил Андрей. – Молодую, красивую, умную женщину. Можно сказать, родственницу. С какого этажа, понятия не имею. Не исключено, что с пятого. Только, когда с ней это случилось, в конце февраля, я уже покинул город.

– Лондон, Париж, Стокгольм?

– Нет, нет.

– Давай-ка, Андрей, с нуля и подетальнее. Кстати, почему бы тебе ни обратиться в полицию?

– Поля, – отчаянно воззвал он, – недавно я нашел в ящике письмо – без адреса, без штемпелей, просто белый конверт со страницей машинописного текста. Прочитал и подумал: «Бред». И в тот же день отправился в европейское турне. Там я благополучно забыл то, что счел жестокой подлой шуткой. Представляешь? Если я не взял в голову такое, насколько нелепым оно было. А вчера мне позвонили по домашнему номеру. Глухой злой голос, не разберешь мужчине или женщине принадлежит...

– Много требуют? – перебила я его, чтобы сразу представить себе масштаб бедствия. Голоса анонимов все описывают одинаково.

– Полмиллиона долларов.

Я покосилась на удрученного Андрея. Пардону просим, как говаривали мои приятельницы в шестом классе, но на такие деньжищи может рассчитывать обладатель информации, опасной не только для репутации.

– Завтра я лечу в Нью-Йорк на десять дней, и связаться со стражами порядка не успею. Кроме того, Поля, в этой истории много интимного. И мама, которая ничего не знает... Это невозможно передать людям при исполнении. Если ты не против, я исповедаюсь тебе, ты все поймешь. И подскажешь хоть, о чем обязательно упоминать для протокола, о чем нет.

Вот тогда я и пожалела о том, что вовремя не вспугнула его откровениями о полковнике Измайлове. Но, с другой, скажем так, подветренной стороны, почему бы и не помочь? С сортировкой полезных и бесполезных для следствия фактов я вполне способна справиться. А Андрею станет спокойнее. Я еще надеялась, что он преувеличивает трагизм ситуации. Эрудит, интеллеktуал, если назвал что-то бредом, значит, то самое оно и есть. Я за годы дружбы не доверяю ему привыкла, а беззаветно верить повадилась. И, самое главное, отдавала себе отчет: этот гений действительно никогда сам не отделит зерна от плевел. Он просто не обмолачивает события своей жизни так, как понадобится суровым дядям в форме, чтобы его спасти. Ну не сдираются у него эмоции с действий или наоборот.

– Андрей, – окликнула я вновь погрузившегося в себя друга, – пока ты гастролируешь за океаном, тебе ничего не грозит. Поэтому попытайся расслабиться и наслаждайся творчеством. За время твоего отсутствия я постараюсь поискать выход, не сомневайся. Одно условие – искренность и обстоятельность. Ты ни мысли, ни чувства не скроешь, а вот про какой-нибудь невинный с обывательской точки зрения поступок можешь забыть, считая его мелочью. Согласен? Тогда я вся внимание. Дерзай.

Предупрежу сразу, историю пребывания Андрея в городе N я после его отъезда в Америку дособирила по крупницам, успев поговорить со всеми ее участниками, пока они были живы. И еще прочитала дневник покойной – лаконичные заметки деловой женщины с редкими вкраплениями одного-двух предложений о личном, да и то лишь затем, чтобы тут же распланировать «как с этим бороться». Поэтому поведаю все целиком. Услышать бы мне повесть в таком виде самой, а не сшивать из лоскутов фраз, намеков, оговорок, разобралась бы быстрее. Или при несоблюдении принципа постепенности, напротив, запуталась бы в многочисленных персонажах и вообще не сообразила бы, кто из них главный, а кто второстепенный. А это было ключом от замка, на который крепко заперли Андрея. И, знай, я, насколько крепко, духу бы не хватило отпирать его самой, не то что взламывать.

Надо же! Всего на шесть дней отлучился успешный человек из своих привычек и знакомых условностей, а откликнулось ему совсем не так, как аукнулось

Часть вторая

КАФЕДРА В ПЕРЕВОДЕ С ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО

День первый.

1.

В конце морозного февраля, в четвертом часу дня, можно не включать электричество. И хотя углы комнаты уже небрежно заполняет сумрак, в окно еще долго, не мигая отечным веком облака, будет смотреть светящееся голубое око неба. И каряя радужка кофе в полупрозрачном белке фарфора будет имитировать пристальный взгляд, пока снаружи не стемнеет. Это хорошо, ведь за сидящим на краю просторной, застеленной ярким покрывалом кровати мужчиной нужен глаз да глаз. Иначе напьется и что-нибудь натворит.

Его зовут Андрей, ему тридцать два года. Он известный в мире пианист, человек талантливый и обаятельный. Андрей зажал между худыми коленями широкий гладкий стакан из тех, что очень привлекательны в витринах и сервантах. Но стоит взять этот выдох стеклодува в руки, пару раз коснуться губами, как возникает впечатление захватанности и замызганности. Словно до тебя к нему успел приложиться десяток жаждущих. Вообще-то Андрей был чувствителен к таким вещам, но не сейчас. Крупные и костистые до уродливости кисти его рук неторопливо откупоривали густо заклеенную этикетками бутылку. Вскоре он увидел, как струя дорого виски врезалась в дно стакана. Он слышал, как струя горячей воды примерно такого же диаметра мерно разливалась по ванне, в которой раздевшийся догола, чтобы немного замерзнуть и усилить удовольствие Андрей вознамерился полежать, вволю выпив. Сколько же времени он обходился без спиртного? Года два. Или три. Ему даже погрезить о загуле некогда было, не то, что осуществить. А сегодня вот понадобилось видоизменить свое отношение к реальности с посторонней бездушной помощью. Он полагал, что ему удастся светло опьянеть, убедить себя, в чем захочется, и снова протрезветь. Поэтому Андрей уверенно сделал первый глоток.

Большой приволжский город за кирпичной стеной ни единым звуком не выдавал своего присутствия на земле. Андрей обходился без него много лет. И век бы не наведалься, согласись мать перебраться к нему в Москву. А она лишь погостить приезжала. И раз в три года пугала сына лаконичными телеграфными вызовами: «Брось все дела, ты мне нужен». Однако в сдержанном телефонном разговоре неизменно выяснялось, что святее расписания сыновних гастролей для матери ничего не существует, что она «элементарно соскучилась по своему единственному ребенку», что «абсолютно здорова, работа не тяготит, денег хватает». Ей оставалось пожелать чаду того же плюс творческих успехов. Андрей благодарил. Мать снисходительно отмечала в нем недурное воспитание. Дальше оставалось только не забыть сказать что-нибудь вроде: «Все лучшее во мне – от тебя, мамочка». И положить трубку. После чего каждый продолжал вести разную и похожую жизнь в разных и похожих городах.

Но в последнем письме Андрей имел неосторожность сообщить матери точные даты своего двухнедельного отпуска. И незамедлительно получил телеграмму привычного содержания. Он принялся названивать ей, но искушенная в уклончивых беседах со своим занятым мальчиком мать не снимала трубку. Изнервничавшись, он мистически удачно купил билет на самолет и через два с половиной часа по дурацкой детской привычке ковырял носком ботинка порог материнского дома.

Слегка сбрызнув слезами куртку сына, отлично накачанная в тренажерном зале, закаленная в бассейне и очень ухоженная в домашних условиях мать потрясла основы его представ-

ления о родственных узах. Она сообщила, что утром вышла замуж и отбывает в свадебное путешествие дневным поездом.

– Ты явился через три дня после получения моей телеграммы, – упрекнула она Андрея. – Чудом застал и едва не создал мне серьезные проблемы.

– Мой приятель сам себя излечил от алкоголизма, – невпопад отреагировал огорошенный сын. – Пил-пил дешевое пойло, с кем попало, полагая, будто это и есть высшая форма человеколюбия. А потом запои измотали, и он осмелился признаться себе в том, что совсем плох. Не потому что злоупотребляет, а потому что жаден, самовлюблен и глубоко презирает собутыльников. Из любви к собственной персоне начал покупать самые дорогие напитки. Из скупости перестал угощать ими других, а позже и себя стал баловать по праздникам. Словом, утверждает, что пошел на поводу у низменного прямиком к здоровью и благополучию. По иному годами не получалось.

– Я поняла тебя, – напряженно сказала мать. – И какие же низменные чувства в тебе вызвало мое приглашение?

– Мама, извини, – смущенно произнес Андрей. – Парня этого я только что выдумал в такси со скуки. И заговорил о нем от растерянности. А хотел о другом. Поздравляю. Кто твой избранник? Куда вы направляетесь?

– Я поняла тебя, – повторила мать с каким-то удивительным сочетанием горечи и повелительности в низковатом для столь изящной дамы голосе.

«Боже, – успел подумать Андрей, – мы так давно обижены друг другом и друг на друга, что временами я забываю об этом».

Тут раздался звонок в дверь. Мать улыбнулась, будто наскоро прорепетировала улыбку, и впустила в прихожую пожилого, явно солидарного с ней в ведении здорового образа жизни мужчину. Андрею пришлось в голову охарактеризовать его словом «нарядный». Мать называла таких людей «прилично одетыми». Итак, перед Андреем стоял отчим, учитывая обстоятельства, в своем лучшем виде. И этот вид взгляда не оскорблял.

Как обычно у мужчин в присутствии требовательной и нечужой женщины взаимные приветствия получились натянутыми ровно настолько, насколько этого хотелось женщине. В вакууме соображения на дно Андреевой души медленно опускались два равновесных чувства – металлический шар ревности и пестрое перышко радости за пристроенную отныне мать. А отчим тем временем закончил четкий доклад о своей полной готовности к отъезду и позвал Андрея в комнату. Андрей тупо поволокся, куда велели, чинно занял указанное кресло и осторожно принял из материнских рук крохотную чашечку пахнувшего разборчивостью в импорте кофе. Подумал: «Добро, я давно отвык от этого дома и не считаю его своим. Но даже мне неприятно, что тут распоряжается незнакомый человек, а мама его не одергивает. Впрочем, ей-то он близко знаком».

– Горишь от нетерпения узнать, как мы с Любашей дошли до жизни такой? – лукаво поблескивая карими глазами, спросил отчим.

Андрей мало походил на охваченного огнем и жаром мученика, у которого через секунду из глаз посыплется искры, из ноздрей и ушей повалит дым, а изо рта полыхнет в лучшем случае красноречием. Но отчим рвался тушить чужие пожары. Он чуть ли не злорадно произнес: ю

– Вижу, вижу, горишь. Ну, слушай.

Андрей вдруг понял, что именно этого ему и не хочется. Неужели нельзя было по-человечески предупредить сына о свадьбе? Неужели обязательно делать из него идиота? И так слишком часто чувствуешь себя никчемным, неприспособленным, а то и бездарным. Хоть с матерью можно рассчитывать на доверительность в отношениях?

Не устраивали торжества, так сообщили бы письмом или по телефону о свершившемся факте, заехали бы к нему в Москву на обратном пути познакомиться и рассказать свою роман-

тическую историю. Нет, желают насладиться его растерянностью, виноватостью какой-то. Он невольно взглянул на часы: скоро ли им отправляться на вокзал.

– Времени у нас достаточно, не волнуйся, – мгновенно отреагировал бдительный отчим.

«Наверняка работал пожарным», – сказал себе Андрей. Пришлось сосредотачиваться на неизбежном повествовании. Чудилось, что этот основательный господин в любой момент может потребовать повторить свою последнюю фразу. И, если Андрею этого не удастся, выпорот при полном попустительстве матери.

Поразительно быстро описав первую случайную встречу в парке, зарождение, развитие и окончательное превращение взаимной симпатии во взаимное же обожание, отчим надолго остановился на достоинствах своей обворожительной Любаши. И немудрено! Даму слегка поизношенного сердца с таким громадным набором добродетелей никому не удалось бы воспеть менее чем за сутки. Несмотря на раздражение, Андрей готов был присоединиться к солисту и исполнить хвалебную песнь дуэтом. Но не стал, ибо привык уважать исполнительские амбиции. Он лишь кивал начинающей болеть головой и боролся с желанием попросить таблетку парацетамола, который мать отказалась променять на любые импортные лекарства. Андрей маялся в кресле лицом к двери и видел не только упивающегося своим выбором отчима, но и тень притаившейся за косяком избранницы. Она подслушивала неотлучно. Наверное, истосковалась по восхищению собой. Андрею жадно мечталось увидеть ее глаза. Однако и стремление внимать дифирамбам, не будучи замеченной, ему пришлось уважить.

Он пришел в восторг от своей терпимости и чуть не брякнул: «Знал бы ты, влюбленный новобрачный, какой она была лет семь назад, давно бы умолк». Андрей оторопел от собственного порыва. Ведь мать тогда страдала полнотой, вечными недомоганиями, неряшливостью и какой-то патологической растрепанностью тусклых ломких волос. Сколько Андрей себя помнил, она собиралась с понедельника или нового года выдержать суровую диету, делать сложную гимнастику, соорудить модную прическу, покрасить ногти и хотя бы отутюжить свои блузки и юбки. А собралась только в сорок пять лет. И вот победительница собственных слабостей получила в награду красивого болтуна пенсионного возраста.

Как она однажды выразилась? «Окидывая себя внутренним взором, я вижу состоявшуюся личность и порядочного человека. Осталось нанести последний штрих – гармонизировать тело и душу. Словом, я намерена приложить усилия, чтобы каждый день мое отражение в зеркале мне нравилось». Помнится, отключившись, Андрей полчаса хохотал. Однако, через несколько месяцев навесить его приехала не баба, а леди, почти как настоящая. Он заливался обезумевшим соловьем. Мать была победоносно спокойна. Заслуженные похвалы душу не бередают. Они лишь закрепляют условный рефлекс на действия, предшествующие похвалам.

Что же он вытворяет? В тот приезд обновленная мать познакомилась с его консерваторской преподавательницей. И, увлекшись живописанием своего педагогического подвига, отказала Андрею в маломальских способностях. Дескать, специалисты в центральной музыкальной школе, где она работает, признали его бесперспективным. Но профессионально владеющая инструментом мать не отступилась от бездаря сына. Часы за роялем, многократное проигрывание мальчику каждой разбираемой вещи, вдалбливание ее смысла и значения... Так потихоньку и насадила, и взрастила то, о чем беспечная природа не позаботилась. Как он отчаялся. Как ненавидел ее. Порывался бросить учебу. Спасибо профессорам – приласкали, отговорили. Откачали жертву материнской бестактности кислородом заверений о невозможности насадить талант и комплиментами, которые отрабатываются тяжким трудом до смерти. Не поскупились, храни их Бог. И вот он, Андрей, чуть было не совершил похожий грех. Просто его родной материю уже долгонько взახлеб восторгались. И потянуло сына вслух вспомнить про нее какую-нибудь гадость.

Но, если у нее тогда тоже автоматически получилось, какого черта он годами злился и мучился? Нет, надо расслабиться, надо голос подать, что ли.

Мать, как обычно, опередила его смелое начинание. Она беззастенчиво покинула свое укрытие и напомнила мужу о быстротечности времени. Он закрыл рот на полуслове и поцеловал ей руку. Не слишком умело, заметил поднаторевший в артистической галантности Андрей. Он торопливо встал с кресла, пригласил в него мать и пересел на диван. Смена места действовала на него благотворно: он перестал думать и, наконец, заговорил:

– Я искренне рад за вас. Мне приятно, что вы счастливы вместе. И я очень хочу подарить вам что-нибудь бесполезное, удовлетворить какие-нибудь капризы. Может, есть пожелания?

Мать с отчимом переглянулись.

– Я ведь действительно не знал, зачем понадобился тебе на этот раз, мама, – оправдывался Андрей. – Иначе придумал бы нечто, достойное сегодняшнего события.

– Любаша, не тяни, Наташа вот-вот приедет, – деловито предупредил на глазах суровоющий отчим.

Однако он счел нужным или возможным ободряюще улыбнуться Андрею. Тот сообразил, что сказка впереди.

– Я тебя никогда ничем не обременяла, сынок, – торжественно приступила к моральной экзекуции мать.

Это не было правдой. Выполнение своих многочисленных и довольно хлопотных поручений она именовала сыновним долгом, вероятно, за создание дара на пустом месте. И Андрей отработывал его добросовестно, не ропща.

– Тебе не надо беспокоиться о подарке потом. Ты его нам сейчас преподнесешь.

У Андрея сложилось впечатление, что этой симпатичной бойкой паре немедленно понадобился свеженький внутренний орган. А упомянутая Наташа, наверное, хирург, способный извлечь необходимое на дому.

– Мы уезжаем на неделю, – напористо продолжала мать. – Ты свободен две.

– Одна уже кончилась, – тихо предупредил Андрей.

– Я рада, что ты отдохнул. В музыкальной школе ужасный коллектив, которому я не намерена докладывать об изменениях в своей личной жизни. С тем, что у меня знаменитый сын, они кое-как смирились. Правда, норовят лишить всех положенных надбавок. Полагают, что я не нуждаюсь в деньгах. Но прекрасного любящего мужа мне не простят никогда. Вот я и предложила директору чудный вариант. Ты позанимаешься с моими детьми в мое отсутствие. Для них это великое событие. Брать уроки у музыканта твоего уровня – удача небывалая. Но коллегам обо мне ни слова: приболела и приболела.

– Мама, – простонал Андрей, впервые за много лет решившийся не столько отдохнуть, сколько одиноко поразмышлять и подлечить желудок.

– Ты, кажется, брался исполнять капризы? Бросался словами «искренне», «событие» и еще какими-то? – нетерпеливо напомнила мать.

– Переходи к деталям расписания и имени и отчеству нового директора, – сухо потребовал Андрей и достал из кармана пиджака записную книжку.

– Поживешь в пустой квартире, рояль недавно сам Шевцов настроил специально для тебя, говорил, что испытывает прямо-таки экзаменационное волнение. Холодильник я забила всякой вкуснятиной, ученики у меня нынче один другого даровитее, а часов не так уж много, – все-таки провела рекламную компанию мать и лишь затем приступила к требуемым Андреем подробностям.

Она едва успела закончить, а вынырнувший из-под шторы отчим уже сообщал, что Наташа паркует машину. Вскоре он ввел в комнату молодую строгую женщину.

– Моя внучка Наталья. А это Андрей, сын Любаша, ты о нем слышана.

– Добрый день, – без улыбки произнесла женщина высоким, но приятным голосом. – Вы поедете на вокзал?

Андрей как-то не успел подумать об этом. Вернее, ему в голову не пришло бы отказаться. За покладистого пасынка ответил отчим:

– Конечно. Должен же он убедиться, что мама благополучно тронулась в путь.

– Ну, разве что, если должен, – насмешливо протянула Наталья и не запаниковала под укоризненным взглядом деда и неприязненным матери. – Разве что так, – упрямо настояла она. Тебе, бабушка, вполне можно доверить супругу. А Андрей, похоже, утомлен.

– Нет, нет, ничего, – промямлил тронутый ее наблюдательностью Андрей. И подтверже, чтобы не сочла слабаком, добавил: – Я поеду на вокзал.

– Тогда двинемся, – скомандовала Наталья.

Однако пришлось еще перетянуть ремнем чемодан с замками, которым мать Андрея не доверяла, разобраться с оставляемой Андрею связкой ключей и присесть на дорожку. Потом все спустились на улицу и разместились в новой Ауди. Отчим сразу проинформировал Андрея, что машина принадлежит его сыну, а внучка катается по доверенности. И все очень переживают, как бы она не угробила себя и автомобиль. По мнению Андрея, резкая Наталья должна была как-то продемонстрировать недовольство словами деда. Но она равнодушно поглядывала на него в зеркало и безмолвствовала. «Девушка старше, чем мне показалось, – догадался Андрей. – Старше и красивее».

Устроив молодоженов в купе на двоих и пожелав им счастливого пути, Андрей и Наталья минут пять проторчали под вагонным окном. Делали вид, будто всматриваются в улыбающихся родных и сожалеют о невозможности докричаться до них через двойные стекла самыми нежными, самыми интимными словами. И почему-то не стеснялись собственного притворства. Наконец, когда оба начали уже подпрыгивать, грея отмерзающие ноги, поезд соизволил тронуться. Произошло рефлекторное махание руками и вышагивание за вагоном, но Андрей и Наталья быстро переориентировались на движение в другую сторону. До стоянки дошли молча.

– Садись, – пригласила Наталья.

– Спасибо, – отвесил полупоклон озябший Андрей.

– Можно не блистать манерами, – позволила Наталья. – Родственники же теперь, какие-никакие.

– Я буду звать тебя Талей. Ладно? – предложил Андрей.

– Странное производное, – хмыкнула новоиспеченная родственница. Но привередничать не стала: – Зови, как хочешь, мне все равно.

Настроение у нее явно не улучшилось после отбытия бабушки в свадебное путешествие. Андрей же вообще не мог припомнить более мерзостного своего состояния за последнее десятилетие.

– Ты, почему такой кислый? От чего-то личного и важного эти брачующиеся тебя оторвали? – спросила Наталья совершенно наплевательским тоном.

Но именно ее незаинтересованность в ответе развязала Андрею язык. Тем, кого переполняют эмоции, нужен меланхоличный вежливый собеседник. Мало того, что Андрей возбужденно описал ей свои сегодняшние мытарства, он еще и принялся вспоминать, как впервые обнаружил в матери зависть.

После первого сложнейшего и удачнейшего концерта в Москве она бесцеремонно выпроводила его друзей с шампанским, разругала сыновнее исполнение в пух и прах, объявила поздравивших Андрея славных музыкантов лстецами и лицемерами. И потом ночь напролет вспоминала, какие надежды подавала, какие достойные оценки слыживала когда-то от великих мастеров, как сама играла, играет и собирается играть. А Андрей поскуливал на раскладушке.

– Знаешь, Талья, – вдохновенно плакался Андрей, – мама придирчиво читает мои интервью: упомянул ли ее, как своего первого педагога, поблагодарил ли судьбу за счастье быть ее отпрыском. Статьи, о которых в ней нет ни слова, мама выбрасывает.

Он опомнился. Ему нужно было лишь посетовать на то, что его обманом завлекли сюда и насильно втиснули в чужую упряжь. А он принялся жаловаться на мать совершенно незнакомой женщине. Кроме того, Андрей стыдился своей недавней мысленной предательской выходки, и распространяться о ней не желал. Хотя по логике вещей пора настала: Наталья имела право спросить, с чего это его так разобрало.

– Андрюшенька, Андрюшенька, – неожиданно понимающе пробормотала она.

– Повтори, пожалуйста, – всполошился Андрей.

– Что повторить?

– То, как ты меня назвала.

– Андрюшенька, Андрюшенька, – ласково засмеялась Наталья.

– Меня так никто никогда...

– Даже в детстве? – перебила понятливая Наталья.

– Никогда, – обиженно подтвердил он. – Почему-то все величали Андреем, а одна дура – исключительно Андрэ.

– Француженка?

– Господь с тобой, абитуриентка из какого-то райцентра.

– Зато теперь с тобой это случилось, – подытожила свободно державшая руль родственница. – Так вот чем, Андрюшенька, мне бы хотелось с тобой поделиться. В восемнадцать лет я влюбилась в своего ровесника. Милый был мальчик, добрый. И была у него мамочка, безудержно слепнущая на оба глаза, как говорится, выплаканные. Она действительно прожила безрадостную жизнь. Знаешь, сказала сейчас «прожила» и смутилась. Ей ведь тогда и сорока не было. Муж ее, похоже, садист, незадолго до нашего с Виталиком знакомства утонул спяну. Но живой он был для несчастной бабы виновником всех ее бед. Она так открыто его ненавидела, так яростно разряжалась на нем, что сын привык считать отца исчадием ада. А после похорон удача и не покосилась в ее сторону, но место душегуба освободилось. Она не сразу это осознала и по привычке продолжала досаждать покойнику. Какую-то дачу он отказался купить. Вдова превратила супружескую спальню в теплицу и почти год пыталась там выращивать цветы, овощи, даже деревья. Цедила сквозь зубы: «На могиле твоей посадить бы все это, сволочь». И поливала, рыхлила, удобряла. Разумеется, растения погибли. Тогда она записала во враги своего начальника и сослуживцев – не оценили. Они, сам понимаешь, терпеть ее претензий не стали и

и общими усилиями загнали мстительницу за свою загубленную молодость в клетку бойкотов и лишения премий. Речь зашла об увольнении, и она сдалась. До последнего женщина не решалась конфликтовать с сыном. Наверное, любила. С соседями переругалась, на продавщицах и приемщицах зло срывала, но тут для нее было мелко. И пришлось Виталику оказаться первым в очереди за ее упреками. Сначала ей прооперировали один глаз. Виталик в больнице дневал и ночевал, супчик ей теплый носил, яблоки тер, читал вслух, доводил соседок по палате до исступления своей сыновней услужливостью – все не так. Изводила она его профессионально. А у нас – любовь, мы часа друг без друга прожить не могли. Веришь, я сутками торчала в приемном покое и мечтала о минутке, на которую он исхитрится выскочить, чтобы меня обнять. После операции на второй глаз Виталик еще самоотверженнее за мамой ухаживал. И опять заслужил одни истерики. Он, бедный, забрал ее домой и только вечера ждал. Когда она уставала его гонять и засыпала, я пробиралась к нему в комнату, и мы тихонько слушали музыку, болтали шепотом, целовались...

Наталья перевела дух. Андрей глядел уже не столь уныло. Ему нравились люди, позволяющие себе откровенность. Наталья не оглядывалась на людские склонности к непониманию, осуждению или наставлению. Видимо, научилась не позволять подобного своим исповедникам в качестве платы за долготерпение. Забеспокоилась:

– Я не длинно рассказываю?

– Ты замечательно рассказываешь, – признал Андрей.

– Тогда вытерпи отвратительную развязку моей истории. До Виталика у меня никого не было, и в ту ночь я осталась с ним. Все получилось сказочно, но настало утро. И я начала, крадучись, выбираться на волю. Дверь в комнату его матери оказалась открытой. А сама она сидела на постели, откинув бинты. Можешь вообразить, будто занавесочки приклеены пластырем над бровями. Увидев меня, она рухнула на спину и завопила:

– Сын, ко мне.

Виталик выскочил в коридор, мы заметались, как буйнопомешанные. Он, правда, храбро так ей сказал:

– Мы с Наташей поженимся, когда ты поправишься.

Я не забуду ее лица – полные глазницы слез. Как они там удерживались, уму непостижимо. И вся эта влага подмывала желтую пористую кожу переносицы. Жуткий вид был у женщины. Мне хотелось расползтись рисунком по их цветным обоям. Она заорала:

– Шлюха! Вон!

Взбрыкнула толстыми ногами под одеялом, села и, щипая себя за руки до синяков, принялась за Виталика:

– Подонок, я все тебе отдала. Не будь тебя, у меня жизнь повернулась бы по-другому. Правильно мне подруги советовали – папашу твоего выгнать, а тебя, семя его ненадежное, сдать в детский дом.

Он вдруг тоже крикнул:

– Зачем я тебе ночью-то нужен?

Тут я не выдержала:

– Он не просил себя рожать!

Она соскочила с тахты и начала наклоняться, подпрыгивать, кружиться, словом, делать то, что врачи ей категорически запретили. Я отпрянула. Виталик кинулся к телефону вызывать скорую. А она упала и, воя, молотилась головой об пол. Виталик попытался ее поднять и не смог. Она каталась от стены к стене и хрипела:

– Вот вам, вот вам. Думаете, выходите меня, бросите и поживете в свое удовольствие? А мое удовольствие где? Нет, опять ослепну, растяну вам пытку лет на тридцать. И попробуйте от меня отказаться, ославлю на весь белый свет. Ненавижу вас, твари, будьте прокляты.

Я выскочила из квартиры босиком. Виталик позвонил к вечеру, сказал, что искусственные хрусталики у нее не сместились. Извинился и пообещал, что мы встретимся, когда все утрясется. Видимо, до сих пор не утряслось.

– Может это к лучшему? – стандартно утешил Наталью Андрей.

– Бесспорно. Да ты не переживай, замуж я сходила.

– Почему в прошедшем времени? – спросил Андрей, пытаясь определить ее возраст.

– Через пару недель развожусь, – пояснила Наталья. – Я тебе, Андрюшенька, хотела доказать, что твоя матушка – ангел. И теперь у нее есть супруг, что здорово отвлекает от взрослых детей. Забудь обиды и наслаждайся вольной волей.

– А я не был женат, – сообщил Андрей.

– Успеешь еще, – одобрила Наталья. – Я вот поспешила и всех, кроме себя, насмешила. В двадцать лет влюбилась в доцента физика. Массу усилий приложила, чтобы увести его у первой жены. Дура. Намучилась с ним, старым пьяницей.

– Бог наказал за мужекрадство? – съехидничал Андрей, не выносивший бытовых вариаций на любовную тему.

Наталья взглянула на него неприязненно:

– Если ты еще раз скажешь гадость про Бога, низведешь Его до уровня рабовладельца с кнутом и пряником, я... Я тебя высажу.

Андрей уставился на нее, давясь беззвучным смехом. Наталья не дождалась реакции голосом и осторожно скосила глаза в сторону своего пассажира. Обиделся? Но Андрей сидел с блаженным лицом.

– Понимаешь, Андрюшенька..., – смягчилась она.

– Еще как! – весело откликнулся он. – Я в твои годы не додумался бы карать ближнего лишением удобств. Даже назвать гадость гадостью не осмелился бы. Может, зайдём ко мне? Кофе выпьем.

– Я целый вечер занята, – усмехнулась Наталья. – Буду общаться с бывшим благоверным. Тебе, конечно, скучно. Но поднатужься, разыщи телефоны давних друзей и подруг. Устройте посиделки, вспомните детский сад.

– Совет хорош, – оценил Андрей. – Только усилия на розыски вряд ли оправдаются.

– Тогда я обеспечу тебе другую программу, – решила Наталья.

Она остановила машину перед подъездом, дотянулась до сумки и вытащила бутылку виски.

– Держи, возила на всякий случай. Как-то неторжественно наши поженились. Мне в горло ни капли не полезет, а тебя алкоголь взбодрит. Свадьба все-таки.

Андрей не стал отказываться. Поблагодарил. Попросил звонить, когда захочет. Если захочет. Простился и вышел на грязный снег. До ночи он осилил треть бутылки напитка, горячую ванну, сытный ужин и обзор новостей по телевизору.

2.

Отбитый пять лет назад доблестной Натальей у первой жены доцент Карпов рано вернулся с похорон дяди Коли, профессора Николая Ивановича Парамонова, если официально. Даже продолжать поминать его в узком кругу скорбящих друзей отказался:

– Один хочу плакать.

– Брось, Сергеич, старик радостный был, он бы твоего решения не одобрил, – уговаривали его.

Правда, недолго. Знали, что Владимир Сергеевич Карпов человек легко поддающийся, но трудно внушаемый. Если уж запросила его душенька пощады, он ее насилем не обидит. Знали и то, что Карпов отойдет немного и на девятый день присоединится – махнет стакан водки, как только он умеет – красиво. «Артистично алкогольничает», – цедили злые. «Аристократически релаксируется с помощью спиртного», – поправляли добрые. Но и тем, и другим было одинаково трудно признать, что Карпов – гений в теории горения и разбирается в пламени, как Бог в человеке. Самые справедливые и уравновешенные объявляли его таковым с горестной поправкой «спившийся». А он еще только спивался.

Странно они сегодня разделились с Натальей: он на кладбище, она в ЗАГС. Впрочем, Владимир Сергеевич давно научился удивляться разнообразию составляющих человеческого бытия. Не люди были предметом его творчества, причиной бессонницы, источником вдохновения. И тратить на них эмоции он перестал с тех пор, как вникнул в пьяный бред мудрых потрезву собутыльников. Тем не менее, его уважали за светлую голову. А бескорыстие в использовании этого органа на пользу нуждающихся в неординарной идее осуждали – разбрасывается, если сами не имели в таковой нужды. Карпов же совершенно не интересовал себя в чужих оценках. Он не был предрасположен к сплетням, цель которых – показаться праведником на фоне некоторых или всех грешников, в зависимости от масштаба демонстратора. Не имея этих основ для естественного общения, Карпов был достаточно одинок, чтобы сосредоточенно размышлять о пламени, как о низкотемпературной плазме, четвертом состоянии вещества, то есть душе.

Преподаванием он тяготился, в отличие от неутомимого дяди Коли. В свои восемьдесят лет тот входил в аудиторию, трепеща, и выходил безнадежно влюбленным в студентов. «Опять

взаимности не добился от остолопов, – сетовал он. – Ну ничего, их дело молодое, пусть поломаются. До экзаменов». А в судный сессионный час профессор Парамонов беседовал с желающими говорить столько, сколько они выдерживали. Прочим, не терзая, ставил тройки. «Способный человек сам насоздает себе проблем, грех руку прикладывать. А бездарю бесполезно мешать быть счастливым», – пояснял он и как-то кротко улыбался.

В шестьдесят лет дядя Коля добровольно уступил место заведующего кафедрой своему самому любимому за талант ученику Петру Алексеевичу Горячеву. И в течение последующих двадцати лет довольствовался званием преподавателя и консультанта. «Кафедрой в Древней Греции называли место, с которого риторы и философы произносили речи», – начал он тост на банкете. «Вы же физик», – без вчерашнего почтения перебил его второй ученик с докторской степенью, не получивший желанного назначения. «Вот поэтому я тебе пока свое жесткое кресло и не доверил, – проворчал дядя Коля. – Древний философ был и физиком, и математиком, и биологом, и географом – всем. Полюбопытствуй, расширь кругозор, и я с удовольствием порекомендую тебя возглавить новый факультет».

Карпов был «аспирантом первого года обучения» и не сподобился оценить поступок Парамонова. А ведь профессорскую зарплату в ту пору отставникам от науки уже не сохраняли, платили только пенсию. Потом он много их повидал – склеротичных, немощных, пригвожденных к легко покинутому дядей Колей месту привычкой к власти и обеспеченности. А дядя Коля всего неделю назад ворвался в преподавательскую, блестя ясными карими глазами: «В лекционном зале бабы окна моют после ремонта. Ох, у одной строительницы и формы. Я загляделся, чуть шею не свернул». Басовитый хохот нескольких глоток перекрыл чей-то восторженный фальцет: «Николай Иванович, они же все толстые до безобразия». «А мне худую даром не надо, – признался дядя Коля. – Аппетит, мальчики, показатель здоровья не только у кошек. Сейчас телевизоры на самоконтроле, а когда я по старому своему смотрел фигурное катание, крутил ручку настройки. Сделаю их, лапушек, пониже и пошире, потом уже люблюсь исполнением». Боящиеся старости и импотенции смолоду мужчины в очередной раз почувствовали в присутствии Николая Ивановича гордость за свой пол и просто повеселели. Умер дядя Коля во сне. «Храпеть перестал, – вздохнула его третья по счету жена. – Я, было, обрадовалась, а после забеспокоилась. Впервые за пятнадцать лет в спальне тихо стало».

Владимир Сергеевич Карпов никак не мог расплавить ребристый кусок чего-то твердого и холодного за грудиной. Расплавить и выплакать. «О себе горюю, о себе», – твердил он уже минут десять, водя шершавым языком по омерзительно слизким, неизвестно почему, губам. Не будет больше дяди Коли. А рядом кто? Гена Свеченков? Наталья познакомилась с этим перспективным негодяем у подруги. Он был пьян в стельку. Он был в ударе. Ему еще только предстояла докторантура, но мысленно парень уже примерял академическую мантию. Оно бы и ничего, психологи рекомендуют заранее вообразить успех достигнутым. Но не бредить вслух. Наталье Гена сразу показался отвратительным. «Разночинец, нигилист, пройдоха», – охарактеризовала она его потом Карпову. Владимира Сергеевича такой набор ругательств позабавил.

В гостях Наталья представилась без фамилии и о принадлежности мужа и Гены к одному университету умолчала. Она выдержала потное обмякающее тело Свеченкова на своих плечах в долгом медленном танце и по-шпионски хитро начала выпытывать информацию о родимом Карпове. В отличие от Владимира Сергеевича ее интересовало, что думают о нем коллеги. Наталье представился случай узнать, что сестра Карпова работает врачом в кремлевской больнице, но безрассудно каждый вечер накачивается спиртом перед телевизором. Что сам Владимир Сергеевич столичные связи сестры вовремя не использовал, следовательно, может засунуть свой невеликий талант в... Галантный Гена не уточнил при внимательной немногословной даме, куда. Тогда дядя Коля был не просто жив, но жизнерадостен. А вот его любимец и выдвиженец профессор Горячев скоростижно скончался. Кафедру возглавлял профессор

Янов, друг и сокурсник Карпова, успевший в отличие от него защитить докторскую. Свеченков захлеб делился с Натальей планами:

– Когда-то в молодости на соревнованиях по гребле Янов получил травму позвоночника. Из большого начальник никакой, так что лет через пять, когда старые травмы дадут жару, мне будет нетрудно сместить его с поста. Я знаю всю его подноготную, он доверяет мне больше, чем себе, истерику. В крайнем случае, прижму долговыми расписками. И уступит место, никуда не денется.

Оказывается, он ссужал небогатого шефа деньгами на покупку комнаты после разорительного развода, на празднование защиты докторской. Наталья была хорошо знакома с Яновым и не сдержалась.

– Урод, ничтожество, пошляк, – крикнула она и шваркнула разошедшегося Свеченкова по наглой морде.

Он сразу оскорблено направился к двери. А изумленная Наталья обнаружила за ним свиту из троих еле державшихся на ногах кафедральных ассистентов.

– Я тебя запомнил, – оглянулся с порога Свеченков. – Скоро всем воздам по заслугам. Тебе достанется одной из первых и по полной программе. Тогда поревешь. Я ведь выясню, кто ты такая.

Наталья наобещала ему миллион экзотических пыток, мученически преодолевая желание вцепиться в его длинные сальные волосы. Но своего семейного положения не открыла. Злопамятный и злокозненный Свеченков выматерился. А один из его приятелей схватил за локоть и зашептал в горящее ухо:

– Извинитесь перед ним, девушка. Он действительно наведет о вас справки, вычислит и отомстит. Богатый и страшный человек.

– Псих, – убежденно сказала Наталья. – Прихвостень. Неужели у тебя и воспоминаний о человеческом достоинстве не осталось?

Телохранитель Свеченкова кинулся за хозяином. Выманенная шумом из объятий какого-то друга семьи приятельница Натальи не могла толково объяснить, «кто такой этот Гена».

– Вроде, говорил, что он самый молодой доктор технических наук в городе, – силилась вспомнить она. – Я его совсем не знаю. Его Пашка привел с год назад. Сам сгинул, а этот захаживает. Всегда под мухой, всегда подгадывает под большую разномастную компанию, как сегодня. У нас же, когда народ собирается, дверь нараспашку.

Наталья наскоро растолковала ей, что Свеченков самозванец, и велела беречь от него деньги и драгоценности. Отомстить иначе в ярости она не могла. Перепуганная женщина, гибко увернувшись от ищущих рук поклонника, понеслась предупреждать мужа и считать ювелирные изделия в шкапулке.

А Наталья отправилась домой, растолкала дремавшего над книгой Карпова и без преувеличений описала знакомство с его молодым сослуживцем.

– Растет, растет ваша с Яновым достойная смена, – громко констатировала она и выбрала для переживаний кухонный стул.

– Разве добьется чего-нибудь стоящего такое трепло? Коварные подличают тайно, – крикнул Наталье Карпов, устроившийся на диване, как косточка в мякоти плода, и не пожелавший даже шевельнуться.

– Они разные бывают. Этот наверняка знает, что вы с Яновым не прищемите ему нос дверью, за которой мудрствует ваш ученый совет. А к нему уже люди тянутся, – попыталась вразумить беспечного мужа Наталья, не выходя из кухни.

– Крепко выпивший кандидат наук размечтался возле красивой женщины, прикинул возможности карьерных ходов на пять лет вперед. А женщина принялась драматизировать мое будущее из-за такой ерунды. Ната, тебе просто стало обидно, что он не меня, а себя в приемники Янова прочит, – воззвал Карпов.

– Ты тоже кандидат наук, не забывайся, – огрызнулась Наталья.

Владимир Сергеевич не ответил. Надолго задумался. Несколько лет назад он, Янов и Свеченков собрались на научную конференцию в Москву. С деньгами в университете уже было туго, командировочных не случилось, и они решили ехать за свой счет, экономя, на чем только можно. Кров на три дня им предоставила старшая сестра Карпова. Дети ее разъехались, муж перебрался к любовнице, так что помех в уходе за приезжими мужчинами не предвиделось. Она кормила ученую троицу, словно оголодавших сирот, допьяна поила водкой, стелила чистое постельное белье, каждое утро меняла полотенца в ванной и даже рубашки им всем стирала и гладила. Одинокая сестра так увлеченно расслаблялась с ними: пила и курила на равных, воодушевленно болтала о всякой всячине, травила медицинские анекдоты, заинтересованно выслушивала их хвастливые заверения в собственной научной значимости и добродушно поддакивала. Да, она не манерничала, не изображала отвращения после принятой рюмки, не пряталась с сигаретой в туалете и дала Свеченкову повод думать и говорить о ней, что взбредет ему в башку. Все имеют право на мнение. Но Гена не только поклялся сестре в преданности до гроба, когда уезжал. Он осыпал ее комплиментами по телефону, останавливался у нее, бывая один в командировках и советовался по поводу недомоганий своих родственников и знакомых. И еще он очень любил и оправдывал перед всеми свою прокуренную и скандальную после частых попок жену, которой сестра Карпова в злоупотреблениях, чем бы то ни было, в подметки не годилась.

Владимир Сергеевич пытался представить реакцию сестры на слова Свеченкова. Нет, сам он не стал бы их передавать. Лжи во спасение не признавал, но и разрушать чьи-то иллюзии не любил. Однако за часто мучимую бесом жестокой правдивости Наталью поручиться не мог. Скорее всего опытная, многократно битая судьбой, но, благодаря сильной натуре, одной только ею, баба сохранила бы бесстрастный вид: «Земля много кого носит. Есть типы, не понимающие человеческого обращения. Их надо демонстративно презирать, унижать, стелить у порога. Тогда они злятся и всячески пытаются добиться приветов и ласки. Но никаких материальных средств не хватит, чтобы купить их уважение, и никаких моральных, чтобы заслужить его». Вспыхнув всепониманием, сестра перестала бы замечать Свеченкова, даже приблизившегося к ней вплотную. Молодец она.

Это Наталья бестолково лезет в драку. Впрочем, и она не дурочка. Провожая Карпова в ту злополучную поездку, жена прямо извелась:

– Пристройте молодого человека в какое-нибудь общежитие для аспирантов. Не по чину ему еще жить с профессором и доцентом под одной крышей, разбалуется, если не обнаглеет.

– Меня в студенчестве профессор бутербродами подкармливал и на домашние обеды приглашал, – с пафосом довел до сведения циничной Натальи Карпов.

– Это в библейские времена трогательного единения физиков и лириков? – уточнила она.

– Да, я старше тебя на двадцать лет, – сердито сказал Карпов и поспешил убраться из дома.

Потому что в дальнейшем споре Наталья приобретала все преимущества зрячего перед слепым, ходячего перед лежачим, умного перед глупым. В глубине души Карпов считал, что слепой не видит грязи, лежачий не месит ее беспокойными ногами, а глупому не введома боязнь испачкаться. Но стать таким незапятнанным счастливецом он, естественно, не хотел. Чем обрекал Наталью на легкую победу и единственный трофей – себя самого.

Ибо давно миновали времена, когда дружеская забота любимца и выдвиженца дяди Коли профессора Горячева скрашивала бездомную юность Карпова. Заняв место Парамонова, Петр Алексеевич Горячев недолго следовал его примеру самозабвенной возни с учениками. В науке и карьере у него хватало собственных амбиций. Дядя Коля лишь изредка напоминал обладателям ранних залысин о своих интересах. Когда юный Горячев со товарищи впадали в транс

экспериментаторства и теоретизирования, претендуя на каждую минуту жизни Николая Ивановича, тот добродушно, но решительно посылал:

– Ступайте, поиграйте сами своими великими идеями. Меня жена бросит, посиди я еще ночь над вашими расчетами.

Результатом такого отлучения становился новый учебник, монография или статья Парамонова. После чего дядя Коля вновь с удовольствием поступал в распоряжение своих одержимых последователей. И за все годы старик не украл ни единой их мысли, напротив, щедро, как пару в бане, поддавал своих.

Но ситуация повторилась. Карпов и Янов во многом благодаря Парамонову, а не Горячеву были готовы защищать докторские лет в тридцать с небольшим. Счастливый дядя Коля хвастался ректору: «Мой Петенька Горячев блестящих мальчиков вырастил». На грубоватое предупреждение о нехватке должностей для скороспелых докторов наук дядя Коля оптимистично отвечал: «Дождутся». А план подготовки научных кадров легкомысленно советовал утопить в сортире. Карпов помнил то ветреное солнечное утро, когда Николай Иванович вышел из своего бывшего, с радостью отданного Горячеву кабинета растерянным и жалким. Хотел похлопать их с Яновым, куривших в коридоре, по плечам, но вдруг отдернул чистую сухую руку и стыдливой скороговоркой пробормотал:

– Кафедра ныне стала отделом универмага. Учителя предают учеников. Я ничем не смогу вам помочь, ребята.

Они так и не узнали, что произошло между старым учителем Парамоновым и матерым учеником Горячевым за тяжелой дверью. Но более дядя Коля в дела Горячева не вмешивался и молчаливо взирал с указанного ему шестка на творящееся вокруг. А творила обыденность, показанная чуть позже Карпову в фильмах, описанная в книгах и толстых журналах. Иногда он сам себе казался персонажем художественного произведения. Докторские им с Яновым пришлось на десятилетие спрятать в укромные уголки тесных кооперативных квартир. Они страдальчески кривились, когда в статьях коллеги сетовали на отсутствие научных данных, которые были, не только давно получены, но и систематизированы, проанализированы, словом, годны к применению. Они тащили за скользкие уши посредственных блатных аспирантов, отпускали студентов с занятий ремонтировать квартиру или дачу Петра Алексеевича Горячева и не обсуждали совпадений сроков ремонтов оных и факультетского здания.

Горожанин Янов относился к хозяйственной деятельности учителя терпимее, чем деревенщина Карпов. Владимир Сергеевич вообще вырос в бане. Умер отец, сгорел дом, и мать с пятью детишками осталась в надворной постройке. Она доверчиво отдала Богу душу одна на почерневшем полке, отправив дочерей и сына учиться, отъездаться, наряжаться на стипендии и блаженствовать на продавленных общежитских койках. Карпов не рассказывал об этом людям. Попробовал однажды по неопытности другу Янову, тот не поверил: «Не нагнетай. После гражданской или Великой Отечественной еще, куда ни шло, но в твоё время»... И все же они уважали и любили Горячева за талант и патриотическое отстаивание интересов кафедры на любом уровне – в ректорате, в министерстве, райкоме, горкоме каком-нибудь. И постепенно привыкали к тому, что от всего выбитого Петр Алексеевич урывал себе. Но Карпов чуть горше, чем Янов, чувствовал, что интересы у кафедры есть, а вот чести почти нет. Они оба, как пережившие сыновья, никак не могли свыкнуться с тем, что университет – родительский, а не собственный дом. Их разочарования скрашивала хорошая зарплата и принадлежность к престижному ученому сословию. Горячев не был скуп на похвалы, доверял читать лекции и принимать экзамены. Но уже их любимцы вяли в бедной земле давно защищенных кандидатских диссертаций и подсчитывали количество чужих докторских, в которых использовался их труд. И уже приходилось много и часто пить с ними, чтобы, не стесняясь сентиментальности, поведать о той кафедре, которой эти старшие преподаватели и завлабы не знали. Впрочем, мечтать о докторских Горячев отучал молодежь сразу. Дескать, Карпова с Яновым

защитить бы и пристроить в университете, а остальным до пенсии и рыпаться нечего. И ребята приспособлялись к бесперспективности, кто во что горазд.

Профессор Горячев умер неожиданно от перитонита. На веселом огоньке его должности закипели пряные страсти, забурлили честолюбия докторов всех технических наук, преподаваемых в университете. Карпов с Яновым мрачно заглядывали в котел чужих желаний и делали вид, что не имеют собственных. Но тут дядя Коля показал себя классным шеф-поваром. Однажды, после какого-то утомительного собрания, на котором ученые мужи обливали друг друга помоями, он пригласил доцентов к себе домой и властно сказал:

– Делите, мальчики, владения. Наши все суетятся, а я, грешник, через Москву, минуя ректора, оставил кафедру за своим специалистом. Сам удивился, когда мне там сказали, что вы – моя школа, и любой мой выбор приемлем.

Они хором отказались в пользу Николая Ивановича, и старику долго пришлось строгать острыми словами их скромность и скрытность. В итоге мирно и просто договорились, что кафедру возглавит Янов, после чего создаст Карпову райские условия для исследований, не перегружая преподаванием и купив новое оборудование. Они тогда собирались воссоздать кафедру и не утратить больше смысла этого слова в переводе с древнегреческого. Втроем с Николаем Ивановичем они молниеносно реанимировали толковую, не потерявшую научной ценности докторскую диссертацию Янова. Карпову Парамонов сказал: «Ты сам справишься. Только не тяни». И взял на себя все организационные хлопоты. Бесился ректор, интриговали маститые ученые, его объявляли выжившим из ума и жаловались в партийные органы. Но Николай Иванович Парамонов победил. Чтобы проиграть в последний раз. Гене Свеченкову.

Потому что Гена уже продавал кафедру в разлив и на вынос. Предназначенный для экспериментов металл превращался в изделия ширпотреба, казенный бензин испарялся вместе с емкостями для его хранения, станки сдавались неведомым умельцам, аспиранты в свободное от изготовления дверей, оконных рам и печек-буржук время лихо делали курсовые и дипломы студентам. И вся научная деятельность большей части преподавателей состояла не в разгадке тайн пламени, а в банальных инженерных расчетах по заказу малограмотных производителей, чего угодно.

Янов возмущенно требовал объяснений. Ему стандартно отвечали: «Свеченков в курсе». А сам покровитель этой групповухи, этого совокупления науки с производством, торговлей и преступлением охотно предъявлял подписанные Горячевым договоры. Но дальновидный Горячев поощрял такую деятельность, требуя участия в ней своих сотрудников в нерабочее время и перечисления прибыли на счет кафедральных лабораторий. Ну, как выяснилось, брал себе наличными, ими же подкидывал совместителям умственного и физического труда, чтобы их дети с голоду не умерли, но не все же до последней копейки. А Свеченков в период безначалия, пока «остепененные товарищи» грызлись за заведование, повадился складывать деньги в свой довольно глубокий карман. Янов обличал и грозился призвать к ответу. А страдающий красноречием Гена разглагольствовал перед ним о нынешних условиях и грядущих возможностях. Время работало на него, гипнотизируя бездонным взглядом неизвестности, и, то, усыпляя нытьем, то, раздражая ором боящихся сокращений и стремительно нищающих интеллектуалов.

Янову предстояло либо брать у Свеченкова доллары, либо разогнать базар в рушащемся «храме науки». В обоих случаях не возбранялось рассуждать с друзьями о плачевном будущем студенческого и ученого сословий, наблюдая, как быстро они уменьшаются количеством и умаляются качеством. Янов обсуждал свои проблемы с Карповым, но того заботили лишь хроматографы из обрушившегося на страну вала каталогов импортного оборудования да тлеющая увлеченность нескольких аспирантов. Дядя Коля, выслушав нокаутированного обстоятельствами времени и места Янова, посоветовал наконец-то выдворить вороватую шушеру.

Через неделю старик принес план учебной и научной деятельности, гениально рассчитанный на бессребреников и фанатиков. Их Янов обреченно назвал сразу – сам Парамонов, Карпов и пара умников в драных штанах, покинутая женами еще при поступлении в аспирантуру – настолько очевидно было, что не им детей, а детям их кормить.

Зато Свеченков проводил с Яновым часы, произносил сотни слов, из которых недвусмысленно следовало, что его путь спасителен. Временным явлением объявлял провидец Гена уникальную для творцов ситуацию. После бесспорных напоминаний о единственности и краткости жизни он божился в верности идеалам чистой науки, клялся в любви к студентам и уважении к коллегам и выражал напряженную готовность проявить эти свои качества под руководством Янова, лишь только минует смутная пора. Он говорил о себе, как о мученике, окунувшись в помои, чтобы спасти кафедру, факультет, университет. Он называл Янова одареннейшей личностью, тонким психологом, талантливым администратором и западной ориентации человеком. И месяцами доказывал это примерами из протекающей на его глазах, вернее, под его присмотром, деятельности молодого профессора. И преуспел в вечном неблагодарном труде искusstителя.

Янов решил положиться на Свеченкова. Правда, деньги сначала брал в долг, да еще и расписки выдавал. Отказался продавать экзаменационные баллы. Настоял на покупке нескольких обещанных Карпову приборов. И по привычке отчитался перед дядей Колей. На что Парамонов покорно пообещал пойти и сесть, но уже не на шесток, а на кол. Янов мучился, но шустрый Гена очень кстати напомнил ему о ретроградстве реликтового Парамонова и алкоголизме вдохновенного Карпова. Свеченков смел так думать о людях, которых Янов уважал, и перед которыми чувствовал смутную вину. А смелость такого рода заразна. Воистину, если не удастся оправдать надежды хороших людей, измените свое отношение к этим самым людям. Глядь, а они недостойны ваших подвигов. Итак, Николай Иванович Парамонов рьяно взялся за поиски некорыстолюбивых одаренных первокурсников, Владимир Сергеевич Карпов ласкал не от водки, а от волнения и радости подрагивающими пальцами цветные кнопки и блестящие экраны и придумывал все новые и новые эксперименты. Янов и Свеченков же занялись всем остальным. Карпову вновь казалось, будто происходящее наяву он уже знал – из искусства ли, из Библии ли, из себя ли, сорокапятилетнего. Спустили людей с цепи. Набегаются по воле, начнут, кто с голодудохнуть, кто в стаи собираться, кто в одиночку охотиться, кто искать старую цепь. Как это практически осуществляется, кого в процентном соотношении больше в жизни Владимира Сергеевича значения не имело. Новизны не было, не возникало и интереса. Карпов все понимал, и покой его внутренней отстраненности могла нарушить только Наталья.

Как ни странно, молодая жена Карпова не устроила ни одной сцены по поводу ставшей вдруг мизерной доцентской зарплаты. Не расстроилась из-за превращения его вчера еще престижной работы в едва ли не презираемую. Даже не потрудилась обругать или похвалить ни оставивших научное поприще, ни преданных ему назло тяготам и неловкостям как-то вдруг изменившейся доли. Она тоже все понимала. Когда они с Владимиром Сергеевичем делились впечатлениями от творящегося вокруг, их оценки совпадали. Но как разнились действия. Наталья одной из первых сменила хомут государственной службы на ярмо вольного предпринимательства. Для начала пошла коммерческим директором в фирму, которая активно собирала то, от чего безрассудно избавлялись новые хозяева производств – от цехов до заводиков.

– Тебя посадят, в этой стране иногда бывает вольница, но свободы – никогда, – пугал Карпов, не обратив внимания на названную Натальей сумму вознаграждения за труды.

– Лет через пять за устройство в частную фирму придется бороться с десятками соискателей, – предрекла Наталья. – А пока подбирают любого, кто способен на авантюру и не боится, что завтра все эти лавочки снова прикроют. Большинство рассуждает, как ты, поэтому у меня есть время не только занять позицию, но и окопаться хорошенько.

– Себя послушай, это же военная терминология, это опасно для жизни.

– Володя, если все вернется на круги своя, и мне снова придется гнить в какой-нибудь конторе, я сдохну от тоски по неиспользованному шансу попробовать работать. Чему быть, того не миновать. Не мешай, пожалуйста.

Карпов ревновал ее. Но Наталья даже не рассматривала постельных служебных вариантов.

– Я не секретарша, а коммерческий директор, – сухо напомнила она мужу.

Но сначала обескуражила своего шефа, сообщив:

– Я на работе не пью, не курю и не трахаюсь.

Тот еще не решился предложить ей ни рюмку, ни сигарету, ни секс, но по загадочному виду можно было предположить, что хотя бы к одному чему-то начинающий Рокфеллер готов.

– Чем же вы собираетесь заниматься? – нервно спросил он.

Наталья изложила свои замыслы в доступной, как она выразилась, форме. И вежливо попросила их корректировки и указаний. Бывший преподаватель педагогического института, знавший о бизнесе лишь перевод слова «бизнес» с английского на русский, в достойном молчании удалился. На следующее утро он предложил ей, помимо зарплаты, участие в акционировании, процент с прибыли и благословил действовать.

– А как мы вообще-то создались? – спросила Наталья.

– Да друг мой в лютом похмелье поправился коньяком и на спор «материализовал из воздуха фирму». Направление деятельности только долго придумывал. Вот... Он пошутил, а я... «Хорошо, что Володя этого не слышал», – подумала Наталья.

Позже Наталья с шефом насмотрелись на офисные нравы, но у себя менять ничего не стали. Очевидно уже было, что секс и выпивка в кабинете не способствуют трудоспособности и накоплению капитала. А они работали одержимо, рисковали крупно, но не собой, а печатью родившего их фирму научно-исследовательского учреждения. И через три года шеф начал скупать за городом недвижимость, а Наталья смогла позволить себе кое-какие фокусы с акциями и блажь научной деятельности Карпову.

Однако то, что Владимир Сергеевич уступил Янову должность заведующего кафедрой, повергло Наталью сначала в депрессию, потом в маниакальное стремление немедленно восстановить справедливость. «Сергеича на царство»! – шумела она и напрасно вменяла мужу в обязанность биться с другом на кулаках. Карпов защищал Янова и Парамонова, нудно твердя, что сам отказался от неподходящей для себя роли:

– Ну, какой из меня учитель и администратор, Ната?

– Обошли, будто мальчишку, – не верила Наталья. – Посулили что-то неосуществимое. Ты же нормальный, ты бы не додумался до глупости проморгать должность.

Карпов сложно доказывал, сколь выгодно такое распределение обязанностей. Он, видите ли, находился на творческом подъеме, а Янов миновал свой главный творческий перерыв.

– Идиот, – поняла, наконец, Наталья. – Только власть могла помочь тебе реализоваться. Янов наплюет на все свои обещания через месяц.

Янов выстоял полгода. Но в остальном Наталья оказалась права.

– Ладно, не сникай, – поддержала она Карпова после отказа Янова доукомплектовать его приборы. – Защищай скорее свою докторскую. Народ из университета разбегается, старики не выдерживают унижения – мрут, так что найдется тебе пристойное место на другой кафедре.

Хоть бы спросила, нужна она Карпову, другая? Тут, как на грех, случилась неприятность при знакомстве со Свеченковым, и Наталья принялась истязать мужа систематически. Требовала показать диссертацию, уверяла, что ее и не было никогда в отличие от реально существовавшей докторской Янова, подозревала в завышенной алкогольной самооценке, обещала белую горячку и грозила уйти к родителям. Она могла бы снять или купить себе квартиру,

но была наверняка, потому что именно уход взрослой бабы к маме с папой повергал Владимира Сергеевича в панику. И Карпов не вынес мук.

Однажды он швырнул на обеденный стол две весомых папки. В одной покоились уже желтеющие машинописные листы его докторской. Но Наталья прозорливо схватилась за вторую, регулярно пополняемую. Карпов признался, что это – описание его открытия.

– Я ждала чего-то подобного, – возликовала Наталья. – Я не ошиблась в тебе, Володя.

Однако доставшаяся Карпову женщина не была стандартной. Вечер, ночь и утро она читала сокровенные записи учителя и мужа, потом велела не пить в течение дня и ушла делать из денег деньги. Вернувшись к аккуратному семейному очагу, Наталья удовлетворенно сказала:

– Я обдумала прочитанное. Вещь тянет на настоящие почести. Как будем реализовывать?

Карпов отнекивался, лез в петлю самоуничужения, травился самокритикой, но вынужден был покориться деятельной жене и произнести два слова – Москва, Иванов.

Через три недели, пристегнувшись всегда кажущимися хлипкими ремнями к креслу в самолете, он отдался особому – с примесью отчаяния и раскаяния страху. Не тому, что спускается из живота вниз и отключает ноги, а поднимающемуся вверх и заполняющему голову. Нет, он не боялся летать. Причиной страха был маршрут: Карпов направлялся в Москву к академику Иванову и вез отредактированную, набранную Натальей на компьютере и распечатанную рукопись. Академик был единственным человеком в стране, компетентным в хитросплетениях идей, доказательств и выводов Владимира Сергеевича. Карпов проклинал затею жены, но в то же время упрямо уцелевшая в хаосе недобрых предчувствий и печальных переживаний надежда на успех гнала его к автостоянке в аэропорту, по лестницам в кабинет старого приятеля, устроителя встречи, и к обиталищу самого академика Иванова.

– Давайте коротенько и главное, – мягко подогнал академик, совершенно внешне не похожий на пестовавшего Владимира Сергеевича дядю Колю.

Карпову почему-то хотелось обнаружить хоть отдаленное сходство между стариками. И отсутствие такового он сразу воспринял, как провал. Сначала академик был серьезен, потом заулыбался. Ободренный Карпов закончил сообщение и услышал то, чего предпочел бы никогда не слышать:

– Молодой человек, в тридцатые годы я сам занимался этой проблемой. Я не раз обсуждал ее с Капицей, проникнитесь. Вы попались в вечную ловушку – взялись обосновывать безумное предположение. Время от времени именно оно возникает у каждого, влюбленного в пламя. Словом, уже много десятилетий назад мы выяснили, что доказать желаемое невозможно. Я сочувствую вам, как самому себе. Но что поделаешь, четвертое состояние вещества, не стыдно и проиграть. Насколько я понял, вы достаточно одарены, состоите при кафедре и найдете, чем заняться в физике.

Карпову предстояло уйти, улететь домой и больше никогда не возвращаться. Он не помнил, что открывал рот после отповеди академика. Приятель рассказывал ему потом за утешительной бутылкой:

– Ты вытащил рукопись, положил перед Ивановым и твердо посоветовал: «Посмотрите. Безумное предположение я снабдил безумными же доказательствами». Академик буркнул: «Я очень занят». А ты так устало пообещал: «Вам не будет скучно».

Еще через месяц Наталья передала лениво размышлявшему о самоубийцах Карпову телефонограмму: «Иванов в трансе, надо поговорить».

– Мужчина не назвался, – отчиталась добросовестно выхаживающая Карпова Наталья. – Кажется, ты молодчина, Володя.

Она сама набрала московский номер.

– Сергеич, ты могуч! – закричал в трубку приятель Карпова. – Старик не утерпел, вспомнил, видно, былое и изучил твой труд от корки до корки. Он потрясен оригинальностью

придуманных тобой экспериментов. Сидел и бормотал: «Вот так надо было, проще, проще». В общем, доказал ты недоказуемое. Он, разумеется, достоинства на пол не ронял: упомянул последние достижения в смежных областях, доступность иностранной литературы, компьютеры, новейшее оборудование. Посетовал, что у них со товарищи ничего этого не было, а потом вздохнул и попросил вызвать тебя для переговоров. Хвалил сильно, тень Ломоносова тревожил, превозносил провинцию с ее здоровыми нравами. Но я тебя сразу предупреждаю – готовься делиться славой. Тебя пригласят в белокаменную на двух, известных всем остепененным, условиях. Ученики академика сделают на основе твоего открытия столько докторских, сколько надобно, и возьмешь Иванова в соавторы. Иначе останешься в дураках на веки вечные. Он – единственный компетентный эксперт, без его заключения и не запатентуешь. За границу сунешься, посадят. А рукопись ты уже отдал. Прельщает тебя роль непризнанного гения? Я лично тебя нормальным помню.

Карпов лишился способности говорить еще в начале приятельского монолога. Наталья силой вырвала из его одеревенелых рук трубку:

– Извините, пожалуйста, он в шоке. Его не на одно открытие хватит, так что пусть академик не беспокоится. Когда приезжать?

– Вы кто? – опешил приятель.

– Любопытная и бесцеремонная жена, – отрекомендовалась Наталья. – Я подслушивала, и мне было приятно. Кстати, оригинал рукописи я защитила нотариально, поэтому без автора обойтись не удастся.

– Ловко, – хохотнул приятель. – Есть, есть женщины в русских селеньях.

Он назвал, видимо, заранее согласованный с Ивановым срок – через месяц, пожелал всех благ, поздравил и простился. Впервые в их совместной жизни Наталья собственноручно налила Карпову джина.

– Ты теперь натренирован Яновым и Свеченковым, ты теперь выдержишь. Видишь, нет худа без добра, надо только перетерпеть худо, – шептала она, целуя седые виски мужа. – Там, куда тебя зовут, все такие культурные, умные, интеллигентные. Ты и не заметишь, как под шумок комплиментов они слегка попользуются твоими результатами. А уж, когда утвердишься, никому ни одной подсказки. Пусть сами соображают и маются, сволочи. Не жадничай. Подарил Янову должность, отдал выгодный договор ученику, у которого жена родила, отдашь и немного этого, нематериального. Ты легко расстаеться с деньгами, не условившись с ними о следующей встрече. Попытайся ради перспективы утихомирить авторскую гордость. Разве тебя купишь на известность во все сужающихся научных кругах? Она только зависть порождает, а ты бороться не приспособлен. Тебе работать надо, а в Москве есть условия. Не слушай ты их стонов по поводу полного обнищания. Сам знаешь, по сравнению с провинцией ребята жируют. Этот смешной академик воображает, что у тебя тут целая лаборатория. А ты эксперименты чуть ли не на довоенном старье проводил. Представь, Володя, что ты в академическом институте наворотишь! Здесь Янов даже реактивы перестал тебе покупать. И заставляет вести тоскливые лабы, от которых младшие преподаватели увиливают. Твоя беда в том, что ты ученый, а не учитель. Хотя, почему беда? Есть и неучебные научные заведения. Забыл уже? Не позволял себе мечтать о них? Тебе в одно такое осталось пинком дверь открыть. И не дуйся на академика. Он вовсе не вороватый подонок. Просто читал тебя, местами узнавал себя. И ему померещилось, будто он сам вплотную приблизился к твоим выводам. А вдруг действительно приблизился, но сумасшедшинки не хватило на концовку. И, вроде, имеет он право подписи. Впрочем, Володя, он ее отработает. Ты ведь не доктор наук. Знаешь, мало родить, надо еще дитятко в люди вывести. Приходится родителям ради этого чем-то жертвовать.

Звучало убедительно, если не сказать завораживающе, и Карпов согласился обсудить предложения академика Иванова.

Владимир Сергеевич Карпов услышал стук открываемой двери и очнулся. «Господи, – подумал, – почему это не история о мужике, которого хитростью лишили интеллектуальной собственности, и он либо мстит, либо правды добивается, либо пьет с горя, а то и все вместе? Много бы я отдал, чтобы случилось так, а не как со мной». Наталья тем временем включила в комнате свет.

– Сумерничаешь? – спросила она непривычно вяло. – Как похоронили Парамонова?

Карпов вспомнил, откуда сегодня вернулся. И вдруг ему неудержимо захотелось выпить, ну хоть с трезвенницей Наташкой. Способна она помянуть человека? Подумаешь, на развод подала. Дядя Коля говаривал, что женщины сдуру садятся на цепь брака, а потом сдуру с нее срываются. И препятствовать им в этих богомерзких метаниях мужчине должно быть недосуг. Его дело – найти себе новую жену – обязательно краше и лучше прежней.

– Наташ, – почти разнеженный этим воспоминанием позвал Карпов, – где наша заветная бутылка виски? Ты же не насовсем ее утром отобрала?

– Насовсем, – сухо и безжалостно подтвердила подозрения мужа Наталья. – И уже успела подарить ее человеку, которому спиртное пойдет впрок.

– Это что за феномен? Француз, что ли? – попытался и не сумел скрыть разочарование Карпов.

– Андрей, сын дедовой жены, – довольно сварливо объяснила Наталья. – Нарвался на тот еще сюрприз. Его не соизволили о свадьбе предупредить. Да еще и на хозяйстве здесь бросили. Плохо ему. А ты сегодня уже пил.

– Ты бритву мою не презентовала ему вместе с виски? – не совсем уверенный в том, что произносит собственную фразу, все-таки сказал Владимир Сергеевич.

– Ты здоровье пойлу презентовал, потенцию, способности, а теперь ревность изображаешь! – возмутилась жена.

– Не начинай в конце! – раздраженно призвал муж.

Он нехотя поднялся, оделся, обулся и, крикнув: «Жди завтра», вышел из дома. Карпов решил навестить Лидию, одиноко обитавшую в девятиэтажке напротив. Когда-то она работала машинисткой на кафедре. Однажды, отчаявшись выйти замуж, даже забеременела от Карпова, решила оставить ребенка, но не смогла выносить. «Пошлейшая у меня жизнь, – думал Владимир Сергеевич, ежась на наглом холодном ветру. – Жена – бывшая студентка, любовница – бывшая машинистка со службы. Живем в одном дворе. А, с другой стороны, где баб искать в мои-то годы да при моей-то зарплате. Пусть. Как сложилось, так сложилось».

Лидия без колебаний и упреков бросилась ему на шею. Потом достала дешевую водку и вареную колбасу. Карпову стало хорошо.

День второй.

3.

В жизни Андрея было время, когда бессонница своевольничала. Словно из доверия облеченный властью друг, она пыталась прибрать к рукам царственного простака. Сначала ночи молодого музыканта были заполнены шумными беседами с такими же, как он, потенциальными творцами всяческих шедевров. О многом надо было переговорить, чтобы оценить благодатное таинство совместного молчания, когда мысли у каждого свои, а настроение общее. И тактично не появлявшийся в компании талантов Андреев сон вызывал благодарность. Позже удачи одних и провалы других стали навязывать ритмы ссор и примирений, люди объединялись по признаку успеха, а, в конечном счете, гонораров. И дамы легкого поведения, именуемые завистью и злобой, нашли во вчера еще доброжелательных друг к другу дарованиях постоянных клиентов. Сон Андрея и тут не навязывался. Обделывала свои мистические делишки на стороне, не мешая страдать творчески. Андрей тогда мог вдоволь подивиться человеческой

мелочности и подлости и ночь напролет просидеть за партитурой. А с рассветом, ощутив себя бестелесным и просветленным, кинуться к инструменту. А потом настал вечер, когда изведенный пустыми страстями Андрей жалобно призвал безрассудно отпущенный на волю сон.

Не тут-то было. То, что не нуждается в кормежке, редко возвращается домой по первому зову. Андрей, как водится, вознегодовал. Напрасная крайность. Сон давал понять, что за долгое пренебрежение им придется платить. Андрею стало жутко. Сон – собственность, значит, корить за его непослушание приходилось хозяина. Ладно, укорил себя, покаялся и, как добрый христианин, должен бы заснуть. Не выходило. Грехи, самонадеянно отпускаемые всем, кроме себя, но перед отпущением переживаемые до потери вдохновения и даже просто способности совершенствовать технику, набрасывались на него. «Почему другим можно, почему, говоря и делая гадости, они получают то же, а часто больше? Почему я расплачиваюсь за каждую мелочь?» – терзался Андрей. И в его голове клубились знакомые образы, навязывая чувства то обиды, то жалости к себе. И никогда радости. Радость посещала его днем, засветло. Неискушенный Андрей готов был ошибаться. Заставляя себя все понимать и всех прощать, он едва не стал адептом вседозволенности. Музыкант тогда, помнится, разгадывал парадоксы: прощающий другим не прощает себе, позволяющий себе не позволяет остальным... Его мучительно интересовали исключения из любых правил. И мыслитель поневоле еще недоумевал, почему удостоился привязанности бессонницы, этой беспринципной содержанки принципиальной души. Надо, надо было меньше думать. Но не получалось, ибо днем было некогда.

Разумеется, мерзавец сон не отказывался вернуться вовсе. Он торговался. Он вымогал спиртное и навевался к беспамятному Андрею, словно в черных плаще и маске – неузнанный, неотличимый от пьяной отключки. Затем, когда алкоголь перестал его ублаговотворять, сон потребовал в качестве платы за свою грядущую верность секса. Но в итоге он и этим пресытился. После шампанского и, казалось, любимой женщины Андрей тщетно пытался заснуть. Случалось забыться ненадолго. Тогда какая-то гнусность вроде чахлого сумрачного леса или физиономий незнакомых людей, коих в реальности никто иметь не смеет, заменяла Андрею сновидения. Невнятные внутренние споры с давно забытыми людьми служили фоном этих бессмысленных и неприятных снов. И служили верой и правдой.

Андрей загадывал: если через час не удастся встретиться с Морфеем, он встанет и разберет сваленные в кучу ноты. Но мученик был так утомлен и разбит, что ухитрялся лишь, сидя на стуле, выкурить сигарету. После чего зевал и плелся в сбитую постель. И издевательство длилось до рассвета. Андрей купил пакетик мака и добросовестно съедал ложку серых и таких маленьких и нежных, что страшно было в рот засыпать, крупинок в полночь. Бесполезно. Он добавлял в мак мед. Запивал кипяченым молоком. Мятным отваром. Не помогало. Андрей понимал, что опиум действеннее. Но коварство не останавливающегося на достигнутом и требующего все новых уступок сна настораживало. «Только не наркотики», – сказал себе музыкант. Благотворное насилие обычного снотворного над взбудораженным мозгом тоже не состоялось. Андрей остался один на один с обнаглевшей бессонницей.

Известно, что у молодых дарований медитации не в моде. Через несколько лет, поладив с собой без помощи психиатров и священников, Андрей прочитал толстенный учебник йоги на английском. И был потрясен. Все, что там предлагалось осторожно и постепенно осваивать, он придумал и применил на практике сам, защищаясь от жестокого ночного самоедства. Но спасение стартовало с отчаяния. Андрей убедил себя в том, что у души действительно есть потребность, право и возможность покидать во сне тело для свидания с неземным и обязанность вернуться к мигу продириания глаз этим самым телом. А последнего ей может совсем не хотеться. То ли в помойке шлаков противно, то ли не те нервные импульсы надоедают. И, когда человек чувствует, что душа его не любит, он перестает спать. Бессонница – способ удержания души от путешествий в один конец, этакая борьба за жизнь во плоти. И надо что-то делать с телом, чтобы беглянка была не прочь в него возвращаться.

Андрей принялся истязать себя голоданием и тренажерами. Сон по-прежнему дразнил его издали. Хуже всего было то, что к этому садисту норовило присоединиться вдохновение. Опытные музыканты могут относиться к нему, как угодно, но для начинающих оно свято, они без него теряются, паникуют и отчаиваются. Так вот оказалось, что вдохновение предпочитало быть причиной аскезы, а не ее следствием. И чем упрямее Андрей потел в спортзале и отказывался от еды, тем труднее становилось доказать себе, будто в музыке есть хоть какой-нибудь смысл для него лично.

Со временем этот бред миновал. Теперь Андрей владел секретом, открытым ему страданием. Ночью на прогулку должно выпускать не душу, а мысли. Чтобы не гибли от гиподинамии. И не истязали тюремщика. Пока их вместилище пусто и проветривается, они, словно голуби из голубятни или куры из курятника, у кого как, летают ли, бродят ли и познают разномастный мир чужих мыслей. Знакомятся. Общаются. Что ж поделывать, если большинство из них никому, кроме самого мыслителя, не интересно. Приходится приучать к самообслуживанию. Утром они, усталые и притихшие, возвращаются к хозяину. «Утро вечера мудренее, – кривил искусанные бледные губы Андрей. – Не от „мудрый“, а от „мудреный“, то есть непонятный и запутанный».

К моменту пробуждения после материнской свадьбы то ли не все свои мысли впорхнули в родимую голову, то ли они, наоборот, притащили с собой гостей и разместили их, как пришлось, но Андрею не удавалось связать вчера и сегодня шнуром смысла. «Где я? Что я здесь забыл?» – недоумевал он, выбрыкиваясь из-под теплого одеяла в мрачном темно-синем под одеяльнике. Он поозирался в поисках любимых халата и тапочек, не обнаружил таковых, вернее, вовсе никаких не обнаружил, и сердито пожав плечами, отправился в туалет и ванную голым и босым. Идя обратно, Андрей взглянул в полуоткрытую дверь гостиной и увидел рояль. Поприветствовал благородный, красиво отливающий февральским «светает» инструмент:

– Доброе утро.

Он бы ни за что не решился войти к нему не одетым, хотя в юности бывало, шалил. Натянул в спальне носки, трусы, брюки и рубашку. В облачении явился роялю и нетерпеливо поднял крышку, обнажив строгую клавиатуру. Ему это было можно. Мизинцы Андрея как-то своеобразно поджались, сделались незаметными. И тугой невысокой волной пальцы покатались по октавам, не ломая плавной линии очертания кистей. Даже непонятно было, отчего клавиши погружаются и выныривают. Страсть, растерянность, все, с чем он проснулся, стекали с кончиков его пальцев в прямоугольные углубления и испарялись из рояля звуками. Андрей привычно начал день. Через два часа он вдруг прекратил занятие.

– Я не у себя, мне в школу надо, – ошарашено воскликнул музыкант.

Во взгляде, приласкавшем замолчавший рояль, слово столкнулись на бегу взрослая горечь и детское обожание. Хотя на самом деле все обстояло иначе. Маленький Андрей не чаял, как соскользнуть с лакированного крутящегося табурета, и влюбился в свое «орудие пытки» только, оценив его пригодность для упражнений в самозабвении. «Неоригинально», – подумал он и не расстроился – прошла та пора. Напольные часы пробили девять. Андрей опаздывал. Давненько он не жертвовал спешке завтрак, однако, вновь пришлось. Ничего страшного, он чувствовал себя моложе, играя в недоедание и суету.

Андрей с обывательской точки зрения был несчастнейшим из смертных, потому что ему часто доставало мужества быть честным с самим собой. И на сей раз, сделав шаг по покрытому зимними осадками во всех их метаморфозах тротуару, он признался, что боится прошлого, из которого сплошь состоял для него этот город. Андрей так мучительно пережил здесь свое человеческое начало, что временами впадал в мрачную уверенность – эти улицы привиделись ему в причудливой круговерти бессонницы. Да, переправа наяву вброд через собственные ночные кошмары сулила мало удовольствия.

Наверное, он сам себя запрограммировал на цейтнот, забыв за роялем о преподавательском кресте. Он желал торопиться, сосредоточиться на ширине и частоте шага и поменьше смотреть по сторонам. Тогда стремление к цели – к людям, перед которыми мать организовала ему обязательства, пересилило бы буйствующий в нем ужас.

– Не пойду никуда. Только бы доехать до вокзала или аэропорта и убраться отсюда немедленно. Мама выкрутится: купит больничный, на худой конец расскажет правду о замужестве и скоте сыне. Конечно, она будет ненавидеть меня, я сам себя буду ненавидеть, но сейчас кажется, что это легче, чем кружить здешним адом, – бормотал Андрей тем особым мысленным бормотанием, когда, словно слышишь в голове собственный голос.

Он не мог сладить с маниакальной потребностью побега. «А вдруг за ночь в школе трубы прорвало? Вдруг из нее украли все рояли? Тогда занятия отменят, и я исчезну», – расфантажировался Андрей. Удивительно, какой глупостью в панике может утешиться неглупый человек. Он знал, что ничего не случилось с трубами и роялями, понимал, сколь гадко накликать стрессы на ни в чем неповинных перед ним педагогов, и напрасно напрягать детей и их родителей, но уже верил в шанс очутиться вечером в Москве, прильнуть к собственному инструменту и постараться забыть происходящее с ним сейчас.

Когда-то Андрей полагал, что одиночество – это отсутствие людей рядом. Теперь он владел иным опытом, от которого предпочел бы избавиться. Да вот беда, обосновавшееся в голове не выселишь, словно задолжавшего жильца. Да, мешающий радостным ощущениям опыт пытаются спровадить подобру-поздорову, насильно всучивая или безоглядно даря кому-нибудь. Андрей дарил, садясь принародно за рояль, молясь за перестрадавшего тем же композитора и благодаря Бога за талант делать это не словами, а аккордами. Слова же он уважать перестал. Он говорил с близкими о своем одиночестве, весьма умело пользуясь лексикой русского языка. И слышал в ответ обидное:

– Чего тебе не хватает, капризный, кокетливый везунчик? Уж мы ли с тобой не носимся, как с писаной торбой? Постеснялся бы ныть, баловень судьбы. Умете вы, пресытившиеся даже триумфами, муки изображать. Кстати, и скучны все до оскомины. Хоть бы одну новенькую жалобу на свою завидную участь потрудились выдумать. Знаешь, где у нас геморроем висит ваше непоправимое одиночество наедине с деньжищами и славой?

– Знаю. Там же, где наши творческие потуги, оторванность от реальности и отвратительный характер, – вздыхал Андрей. – Вы бесспорно правы. На свете слишком много по-настоящему несчастных.

Но из патологической неспособности примкнуть к счастливым и относиться к известности и гонорарам, как они, снова и снова искал нужные слова для самовыражения. Как объяснить людям свою жажду идеальной, все понимающей и прощающей любви? Андрей очень постепенно догадывался, что одиночество – суть непонимание. Свято место внутри человека пусто не бывает, и занять его никто кроме Бога не может. А человек все усаживает на него родных и друзей и умоляет не ерзать. Но, выговорив вслух: «Бог», Андрей всегда болезненно ощущал коросту самозванства в славе. Он начинал стесняться ее. «Все от Бога. Бог дал, Бог и взял», – навязчиво твердил молодой музыкант. Он еще не мог смириться с этим, он еще убеждал себя, что от Бога только дар, а остальное от него, одаренного Андрея. Но все сильнее и сильнее чувствовал, что если познал одиночество, деваться скоро будет некуда. После подобных разборок с собой выживают лишь два вида творцов. Либо болезненно трезвые с чувством юмора, либо пьяные до неспособности соорудить петлю или влезть на подоконник. Андрей был из первых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.